

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Никулин А.М., Кузнецов И.А.

**Циклы и кризисы аграрного развития:
пространственно-временные аспекты**

Москва 2017

Аннотация. Изучение проблематики аграрных кризисов и циклов развития применительно и к истории, и к современности с акцентом на региональном аспекте проводилось в ходе одноименной научно-исследовательской работы. Поскольку наиболее интересные результаты были получены в исторической части работы, здесь предлагается описание некоторых из них. Наши выводы могут представлять интерес в контексте острой дискуссии между так называемыми «оптимистическим» и «пессимистическим» направлениями об уровне и характере развития поздней царской России и причинах российских революций.

Ключевые слова: аграрный кризис, аграрная история, аграрное развитие, аграрная политика, сельскохозяйственная статистика

Кузнецов И.А. старший научный сотрудник Центра аграрных исследований ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Никулин А.М. директор Центра аграрных исследований Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2016 год.

Содержание

1 «Оптимисты» и «пессимисты»: кризис или модернизация?	4
2 Аграрный кризис последней четверти XIX века: статистика цен.....	5
3 Статистика урожаев и доходы зернового производства.....	11
4 Динамика экспорта, рынка земли и сельскохозяйственной техники.....	19
5 Анализ динамики поголовья скота по 50 губерниям Европейской России конца XIX – начала XX в.	23
6 Массовый голод как проявление аграрного кризиса.....	34
7 «Царь-голод» 1891 – 1892 гг.: проблемы изучения.....	36
8 Массовые голодовки советского периода: проблемы изучения.....	47
Список использованных источников.....	50

1 «Оптимисты» и «пессимисты»: кризис или модернизация?

Дискуссия по вопросу уровня, характера и темпов социально-экономического развития России перед революцией 1917 г., вспыхнувшая в отечественной историографии в 2000-е гг., резко актуализировала изучение проблем аграрной эволюции. На сегодняшний день эта тема является, вероятно, наиболее острой среди обсуждаемых историками и экономистами. И одной из наиболее активно изучаемых. Дискуссия выявила отсутствие консенсуса среди научного сообщества даже по основным опорным моментам. Полемика идет вокруг определения направления развития России после 1861 г.: тогда как одни исследователи говорят о прогрессе, подъеме, модернизации, другие – о кризисе, регрессе, деградации. В центре дискуссии, ее нервом оказались аграрные аспекты, что закономерно, поскольку именно сельское хозяйство выступало основой экономического развития России второй половины XIX – начала XX вв., крестьянство составляло основную часть населения, и уровень его благосостояния определял уровень общего благосостояния. Аграрный вопрос стал основным вопросом российских революций 1905 и 1917 гг., а крестьянство – их движущей силой. Метод решения аграрного вопроса во многом определял судьбу правительств в 1917 г. и в период гражданской войны, позиция крестьянства определяла победу той или иной силы в гражданской войне, а аграрная и продовольственная политика являлась определяющим фактором экономического развития в 1920-е – 1930-е гг. Важность исследования аграрно-крестьянских сюжетов трудно переоценить. Не удивительно, что в них сконцентрировались все идейно-теоретические и методологические разногласия исследователей. Решение вопросов такого рода, как названные выше, предполагает, прежде всего, обращение к статистике и массовым источникам. Однако специалисты демонстрируют отсутствие консенсуса и по отношению к оценке достоверности самих источников. Складывающаяся историографическая ситуация должна быть признана сложной и во многом уникальной не только для российской, но для любой национальной историографии.

Основные противоборствующие концепции получили название «оптимистической» и «пессимистической». Таким образом они различаются по отношению к уровню развития поздней царской России. М.А. Давыдов интерпретировал это различие так: «Речь действительно идет о двух разных странах с одним названием. Одна – это нищая Россия из народнической публицистики и советских учебников – плод сознательных махинаций, в том числе и со статистическим материалом. Другая – страна с трагической и величественной историей, которая медленно, но верно расставалась со своим прошлым, выкарабкиваясь после 1861 г. из наследия средневековья и крепостничества, что сделать было куда труднее, чем кажется нам 150 лет спустя. И, несмотря ни на что, доказывала свою интеллектуальную

и иную состоятельность» [1. С. 239]. Основными авторами «оптимистического» направления выступают Б.Н. Миронов и М.А. Давыдов, их оппонентами – С.А. Нефедов и А.В. Островский. В 2016 г. увидели свет второе издание программной книги М.А. Давыдова «Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте-Столыпина» и посмертно изданная монография А.В. Островского «Российская деревня на историческом перепутье», подводящая итоги многолетнего изучения автором аграрно-крестьянских сюжетов. Кроме того появилось несколько важных статей по теме.

Анализируя ход этой острой дискуссии, можно обратить внимание, что за ее пределами остается так называемый мировой сельскохозяйственный кризис последней четверти XIX века, который, как нам представляется, оказывал на аграрное развитие России существенное и недооцененное воздействие.

2 Аграрный кризис последней четверти XIX века: статистика цен

Аграрный кризис последней четверти XIX века – так называемая «Длинная» или «Великая» сельскохозяйственная депрессия – был кризисом зернового перепроизводства хлебов (зерновых культур) в мировом масштабе. Его проявлением было падение цен на зерновые культуры на рынках Западной Европы, продолжавшееся в течение более двадцати лет. Масштабы снижения были различны на рынках разных стран: от почти двукратного падения в Англии до полутора раз в Германии и США. Статистика европейских хлебных цен неоднократно воспроизводилась в литературе. На диаграмме (Рис.1) приведены данные, характеризующие динамику цен на основной товар европейского хлебного рынка – пшеницу в ряде стран в конце XIX – начале XX веков: кривые номинальных цен и тренды.

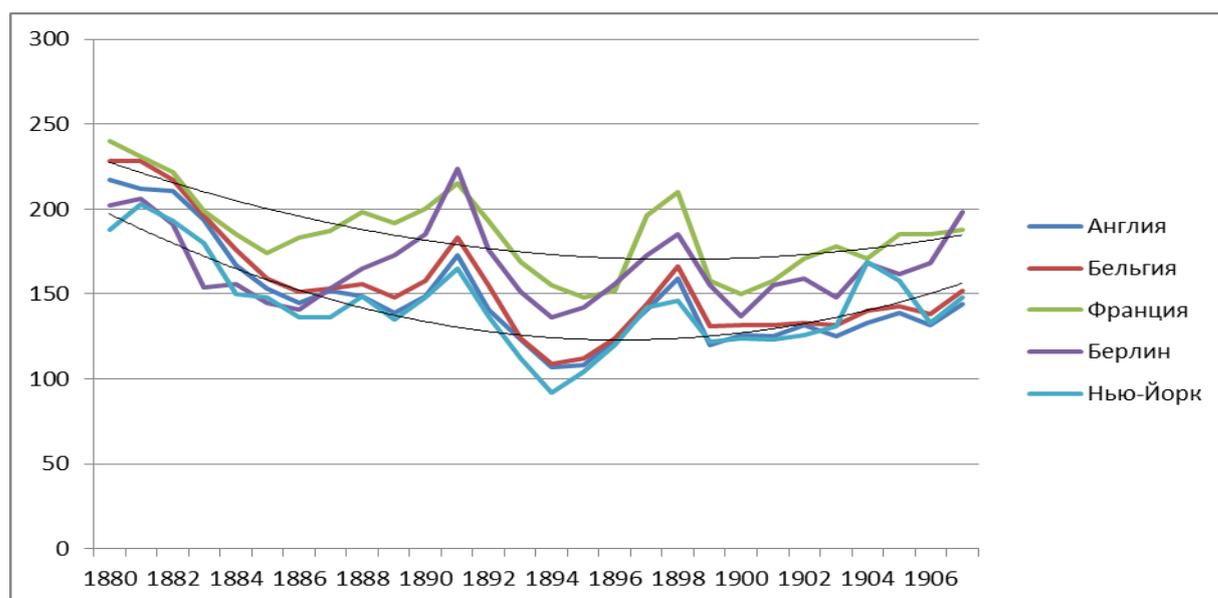

Рисунок 1 – Динамика цен на пшеницу (марок за тонну) в 1880-1907 годы на основных рынках ряда стран [2. С. 51, 110]

До середины 1890-х годов виден тренд снижения цен даже с учетом всплеска цен в 1891 году, связанного с неурожаем и запретом российского экспорта, – это и есть период кризиса (депрессии). Во второй половине 1890-х годов цены стабилизировались, наметился их постепенный подъем, еще более усилившийся затем в годы Первой мировой войны (не отражено на графике) – тем самым кризис был преодолен. Период высокой конъюнктуры продолжался с конца XIX века до 1920 года. Однако здесь нас интересует период кризиса, в особенности влияние мирового аграрного кризиса на сельское хозяйство России.

Анализ литературы, проделанный на первом этапе нашей работы (2015), выявил, что в историографии существует влиятельное научное направление, отрицающее существование аграрного кризиса и рассматривающее историю данного периода как прогрессивно-поступательное социально-экономическое развитие, в котором Россия следовала путем стран Запада. Свою миссию авторы этого направления, по выражению наиболее авторитетного его представителя, П. Грегори, видят в том, чтобы представить «историю успеха экономики Российской империи» [3. С. 248]. Дискуссия по этому вопросу имеет актуальный политический аспект – спор о причинах российских революций, который обуславливает подчас жесткий характер полемики.

Одной из задач нашей работы является верификация гипотезы аграрного кризиса. Мы исходим из того, что Россия второй половины – конца XIX века являлась органичной частью формировавшегося мирового рынка. На мировом аграрном рынке она выступала одним из крупнейших экспортеров зерновых. Внутренняя и внешняя торговля России была сферой частного предпринимательства. Государственные закупки хлеба и иного продовольствия до 1915 года носили ограниченный характер (интендантское ведомство ежегодно закупало для нужд армии; в голодные годы (1891-1892) правительственные органы и земства производили закупки за счет казны хлеба для голодающих районов) и происходили по рыночным ценам. Следовательно, динамика цен на внутреннем российском рынке должна была отражать конъюнктуру мирового рынка. Так ли это и насколько?

Для ответа необходимо проанализировать динамику внутренних цен на хлеба в данный период. Статистика внутренних российских цен в принципе известна и неоднократно была предметом внимания экономических историков, но, как представляется, еще недостаточно изучена. Она собиралась отделом сельской экономики и статистики Департамента земледелия (позднее Министерства земледелия) России на основе сведений, присылаемых с мест добровольными корреспондентами, и публиковалась в издании «Год в сельскохозяйственном отношении». Это были цены на основные сельскохозяйственные культуры, зафиксированные на местных рынках 50-ти губерний Европейской России. Отдельно собирались данные по осенним ценам, отдельно – по весенним. Данные,

присланные корреспондентами из губерний, публиковались в виде средних значений, в копейках за пуд, с указанием разброса: минимального и максимального значения. Разброс в значениях отдельных показаний в рамках одних и тех же губерний порой бывал очень велик.

Публикуемая статистика страдала многими недостатками. Во-первых, низкая представительность, так как плотность сети добровольных корреспондентов была не высока и весьма неравномерна по территории страны. Во-вторых, в статистике не учитывались сорта и качество зерна. Как известно, цена на разные сорта одной и той же культуры на одном и том же рынке могла различаться достаточно существенно, но наша статистика нивелирует эти различия. В связи с этим, в-третьих, министерская статистика местных рынков плохо сопоставима со сведениями о ценах на зерно в портах и крупных торговых центрах, собиравшейся Департаментом торговли и мануфактур Министерства финансов, в которых учитывалась сортность.

Тем не менее, будучи собраны и подсчитаны в течение 30 лет по единой методике, данные о средних ценах должны вполне достоверно отражать динамику. Именно движение уровня цен в первую очередь и является предметом анализа в данном разделе. Для изучения динамики уровня цен за длительный промежуток времени выбор осенних или весенних цен не имеет значения. Историками уже было доказано, что их колебания были достаточно близки.

Нами сформирована база данных, содержащая средние значения осенних цен 5 основных хлебных культур – рожь, пшеница озимая и яровая, овес и ячмень – за 1881-1913 годы, распределенные по губерниям. Для выяснения общероссийских тенденций мы примем простые средние значения, выведенные из погубернских. Поскольку первые два года существования статистики Департамента земледелия она поступала с большими пробелами, имеет смысл начать с третьего-четвертого годов, для удобства подсчетов мы начали с 1884 года. Надо отметить, что не по всем 50 губерниям существуют данные обо всех хлебах, так как даже из пяти главнейших не все зерновые культуры имели широкое повсеместное распространение. В тех губерниях, где посевы той или иной культуры занимали статистически незначительные площади, цены на них либо не учитывались, либо основаны на единичных торговых сделках. Мы исключили их из расчетов. В частности, по ценам ржи и овса как наиболее широко распространенных культур есть непрерывные ряды данных по 49 губерниям (кроме Астраханской, где их мало сеяли). Цены на ячмень рассчитаны по 45 губерниям (имел малое распространение в центрально-черноземных губерниях), цены на яровую пшеницу – по 37, озимую пшеницу – по 30 губерниям.

Относительно более дорогой культурой из перечисленных была озимая пшеница, самой дешевой – овес. В динамике ценовых рядов выделяются экстремумы: всплеск всех цен

демонстрирует неурожайный и голодный 1891 год, абсолютный минимум цен приходится на 1894 год – высокоурожайный год, в котором зафиксирован минимальный уровень экспорта зерна. Запрет на вывоз хлеба из страны в 1891 году привел к тому, что традиционные рынки в Европе в следующем году заняли конкуренты России – США и другие вывозящие страны, и России потребовалось время, чтобы потеснить их. По этой причине в 1894 году российский рынок оказался переполненным. Все эти моменты не новы, и раньше отмечались в литературе.

Для выявления тенденций аграрной эволюции вообще принято брать не показатели отдельных лет, а средние за ряд лет, поскольку результаты отдельных лет могли сильно варьировать в зависимости от погодных условий. Наглядно представить динамику осенних цен на пять основных для России хлебов можно на графике, взяв средние значения по трехлетиям (Рис.2). Статистика осенних цен рисует достаточно явные тренды: до середины 1890-х годов наблюдается некоторое снижение или, как минимум, стагнация, со второй половины 1890-х годов – рост, ускорившийся в начале XX века. Таким образом, динамика внутренних российских цен в основном соответствует динамике мировых цен. Следовательно, мировой кризис (депрессия) затрагивал и Россию, однако российская статистика рисует менее глубокое падение цен в период кризиса и более явный их рост впоследствии.

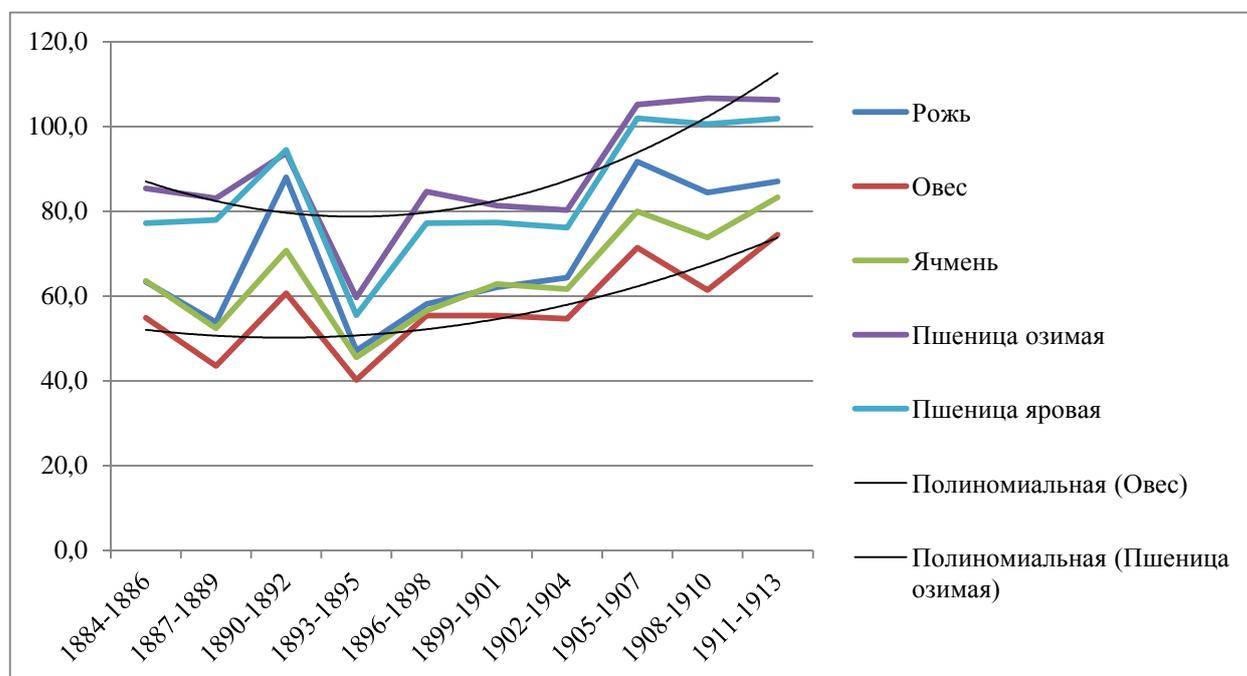

Рисунок 2 – Динамика внутренних осенних цен в России на основные зерновые хлеба в 1884-1913 годах по трехлетиям (копеек за пуд)

Рассчитано нами по: «...Год в сельскохозяйственном отношении» за 1884-1913 гг.

Б.Д. Бруцкус предлагал следующие объяснения [4. С.102-103]. Во-первых, российские цены и до кризиса были невысокими относительно европейских. Во-вторых, бум железнодорожного строительства, начавшийся в 1870-е годы, касался не только прокладки путей в окраинные, вновь колонизируемые регионы, как это было в США, Канаде, Аргентине и др., а, прежде всего, в российскую глубинку, в черноземные области старого земледелия. Тем самым они втягивались в сферу рынка, что вело к повышению местных цен. И только дальнейшее развитие железнодорожного строительства вело затем к их понижению. Таким образом, общероссийская статистика аккумулировала характеристики двух разнонаправленных тенденций: к повышению и понижению цен. Тем не менее, тенденция к понижению до середины 1890-х годов проявлялась в качестве ведущей.

Возможно и более простое объяснение: наша статистика охватывает слишком малый промежуток времени, демонстрирует лишь завершающий этап процесса, оставляя за рамками более высокий предкризисный уровень цен. Можно ли это проверить? В литературе предпринимались попытки построить более длительные ряды цен. Так, Б.Н. Миронов составил ряды для ржи и овса с 1860 года, состыковав при помощи принятых им поправочных коэффициентов статистику Департамента земледелия с данными из губернаторских отчетов до 1881 года. Взяв данные Миронова по ценам ржи, в среднем по десяти пятилетним периодам можно построить следующую диаграмму их динамики за 1864-1913 годы (Рис.3).

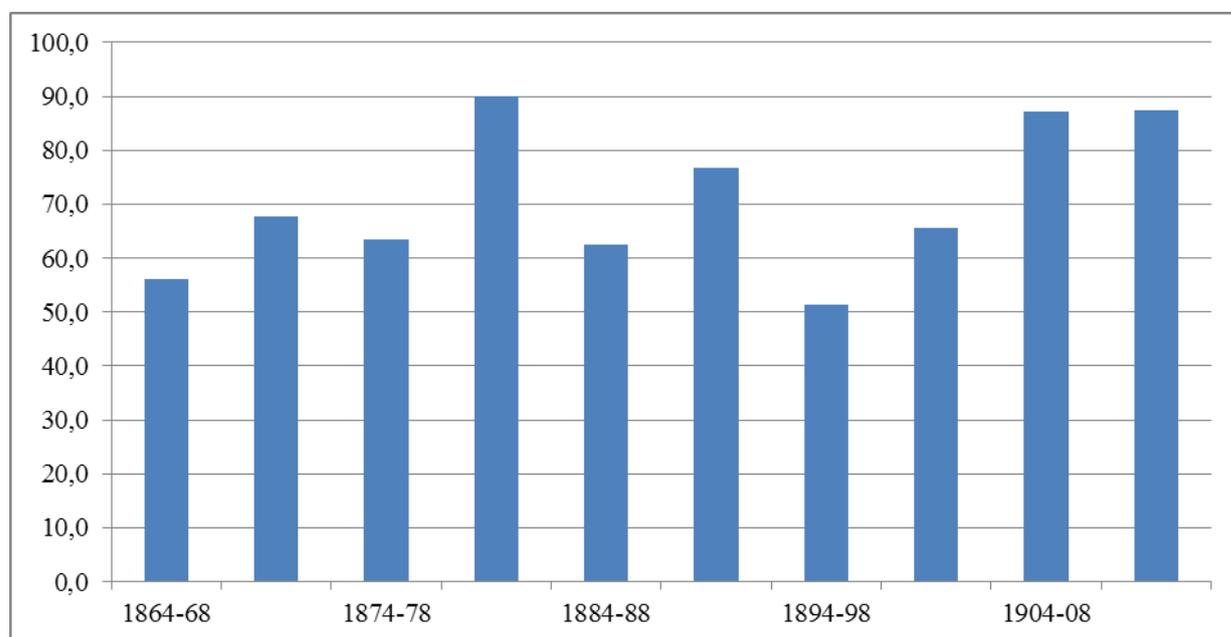

Рисунок 3 – Динамика цен на рожь (копеек за пуд) в 1864-1913 годах в России по пятилетним средним (по Б.Н. Миронову) [5. Прил., Табл.11]

Максимум ржаных цен в России приходился на 1879-1883 годы, когда в Европе уже отмечалось снижение цен. В следующие четыре пятилетия уровень цен стоял значительно ниже. Очевидно, это и был период кризиса для российского рынка ржи. Тенденции к однородному понижению на протяжении всего этого этапа не наблюдается, так как в пятилетие 1889-1893 годов случился чрезвычайной силы неурожаем 1891 года, приведший к резкому всплеску цен. Однако этот скачок был единовременным, и уже следующее за ним пятилетие демонстрирует абсолютный минимум цен. Падение здесь составило более 40% от максимального докризисного уровня. С конца 1890-х годов уровень цен повышается. Таким образом, динамический ряд, построенный по статистике Миронова, также вполне укладывается в концепцию аграрного кризиса последней четверти XIX века.

Методика соединения двух разнородных рядов статистики цен в работе Миронова осталась не вполне ясно изложенной, поэтому в дальнейшем изложении мы будем опираться на официальную статистику с 1884 года без каких-либо поправок. Продолжим анализ ценовой динамики. Думается, для целей данной работы, имея лишь весьма условные (агрегированные) статистические сведения о динамике сельскохозяйственных цен за 30 лет, имеет смысл сосредоточиться на средних десятилетних показателях (Табл.1).

Основной вывод, который можно сделать из сравнения: второе десятилетие демонстрирует снижение уровня цен на все хлеба. Максимально упали цены основного крестьянского хлеба – ржи (-14,7%), минимально – овса (-1,7%). Третье десятилетие дает заметное повышение всех цен; на разные хлеба от 19,7% до 28,1%, считая не от минимума, а от уровня первого десятилетия.

Таблица 1 – Динамика средних осенних цен в губерниях Европейской России на основные хлеба (копеек за пуд) по десятилетиям

Культуры	Число губерний, вошедших в подсчет	1884-1893		1894-1903		1904-1913	
		Цена	%	Цена	%	Цена	%
Рожь	49	67,3	100	57,4	85,3	85,4	126,8
Овес	49	52,6	100	51,7	98,3	67,4	128,1
Ячмень	45	61,6	100	56,7	92,0	77,1	125,2
Пшеница озимая	30	86,6	100	76,6	88,5	103,7	119,7
Пшеница яровая	37	82,6	100	72,0	87,2	99,0	119,9

Подсчитано по: «...Год в сельскохозяйственном отношении» за 1884-1913 годы. Из подсчетов исключены губернии с незначительной площадью посевов данных культур и те, статистика цен в которых имела существенные пробелы.

Таким образом, анализ движения цен на основные зерновые культуры на внутреннем российском рынке по имеющейся в нашем распоряжении статистике свидетельствует в пользу тезиса о том, что внутренний рынок в целом испытывал те же процессы, что и мировой. Мировая сельскохозяйственная депрессия затрагивала в полной мере и Россию, хотя ее вступление в период низкой конъюнктуры произошло с отставанием от европейского рынка в несколько лет. Объяснение факту отставания некоторые авторы находят в том, что до 1884 года падение цен в России маскировалось падением курса бумажного рубля.

Для оценки состояния отрасли – зернового производства – имеет значение не столько абсолютный уровень цен или его динамика, сколько уровень доходности производства. Для его оценки, прежде всего, необходимо выяснить объем производства и выразить его в стоимостных показателях. Объем зернового производства зафиксировала урожайная статистика.

3 Статистика урожаев и доходы зернового производства

Анализ урожайной статистики и валовой доходности зернового производства по 50 губерниям Европейской России конца XIX – начала XX вв.

Наиболее надежной из трех основных урожайных статистик, существовавших в поздний период Российской империи – Центрального статистического комитета (ЦСК) МВД, Департамента (позднее Министерства) земледелия и земств – исследователями признается статистика урожаев собиравшаяся ЦСК и публиковавшаяся с 1883 года в ежегодных изданиях «Урожай ... года». В отличие от других она давала сведения по всем необходимым параметрам: урожайности полевых культур с десятины посевной площади, размерам посевных площадей и валовых сборов каждой культуры. При этом территория страны была охвачена с максимально возможной для того времени равномерностью. Периодически возникающие в историко-экономической литературе дискуссии о степени надежности этой статистики [6; 7] не препятствуют историкам пользоваться данной статистикой, как правило, без каких-либо поправок.

Исследователи неоднократно анализировали тенденции, зафиксированные урожайной статистикой, преимущественно динамики посевных площадей, валовых сборов и урожайности. Так, в 1920-е годы с дореволюционной урожайной статистикой параллельно работали А.Л. Вайнштейн и В.М. Обухов. В.М. Обухов дал прекрасный разбор динамики урожайности основных хлебов по 50 губерниям Европейской России за все время существования статистики ЦСК (1883-1915). Он математически сгладил годовые колебания уровня урожаев и вычислил нормы урожаев для каждого года. В итоге оказалось, что норма

чистых сборов основных хлебов выросла за 33 года на 90%, притом что население увеличилось на 59,1%. Норма чистого сбора на душу населения выросла на 19,3%: с 19,7 до 23,5 пуда на душу. Норма чистой урожайности с десятины выросла на 52,5% [8. С. 13-14]. По подсчетам А.Л. Вайнштейна, сделанным в 1927 году по тому же источнику за тот же период, что и работа Обухова, фактический средний прирост урожайности 4 основных хлебов в Европейской России составлял 0,42 пуда с десятины ежегодно [9. С. 275-330].

Эти и другие подсчеты демонстрируют, что в целом зерновое производство в Европейской России, взятое в натуральных показателях, в пореформенный период развивалось довольно успешно. На этом основании в историографии нередко строят аргументацию сторонники так называемого «оптимистического» направления, отрицающего наличие аграрного кризиса. Однако думается, такие выводы были бы поспешными. Конечной целью любого хозяйства является получение дохода. В условиях рыночной экономики доход имеет стоимостное (ценовое), а не натуральное выражение. Поскольку, как мы выяснили, цены на хлеб испытывали тенденцию к падению, объем производства необходимо выразить в стоимостных показателях и проследить его динамику.

Для сопоставлений возьмем среднегодовые валовые сборы пяти основных хлебов, как они известны по статистике ЦСК, в расчете по тем же трем десятилетиям, по которым мы рассматривали динамику цен. Подсчеты по периодам показывают, что в течение трех десятилетий фиксировался непрерывный рост, никакого снижения зернового производства во второе десятилетие по сравнению с первым не наблюдалось (Табл. 2).

Таблица 2 – Динамика средних валовых сборов основных хлебов в губерниях Европейской России (млн. пудов и %%) по десятилетиям

Культуры	1884-1893		1894-1903		1904-1913	
	сбор	%	сбор	%	сбор	%
Рожь	933,7	100	1 140,0	122,1	1 147,9	122,9
Овес	466,6	100	595,7	127,7	717,2	153,7
Ячмень	219,6	100	296,9	135,2	431,9	196,7
Пшеница озимая	117,1	100	166,7	142,4	204,5	174,7
Пшеница яровая	263,6	100	394,8	149,8	568,0	215,5

Подсчитано по: «Урожай ... года» за 1884-1913 годы

Стоимостную оценку, как представляется, можно сделать на основе осенних цен. Умножение валового сбора на цену даст показатель, который мы называем условным валовым доходом зернового производства. Сколько того или иного зерна было продано по той или иной цене, и сколько дохода выручили производители в действительности, на основании нашей статистики узнать в принципе невозможно. Тем не менее, думается, что полученный показатель – условный валовой доход – позволяет в грубом приближении оценивать динамику доходности зернового производства.

Осенние цены выбраны для подобных вычислений потому, что именно осенью происходила реализация собранной с полей продукции основной массой производителей – крестьянами. Поскольку сбор налогов и податей в России был приурочен к осени, большинство крестьян, чтобы получить деньги для уплаты, продавали зерно уже вскоре после уборки урожая. Поэтому осенние цены отражают уровень ценового минимума данного года, и в то же время – это цены, по которым происходила реализация урожая большинством крестьян. В действительности мы не знаем, сколько каких хлебов по каким ценам продавалось в том или ином году, и какой фактический доход от реализации зерна получали его производители. Можно заведомо предполагать, что цены продаж и, соответственно, доходы более крупных производителей, помещиков и крестьян-фермеров, были выше осенних цен, поскольку они могли воздерживаться от осенней продажи, выжидая более выгодной конъюнктуры. Кроме того, крупные и экономически более сильные хозяйства зачастую выращивали более ценные сорта тех же хлебов. Долю продукции таких хозяйств в общей массе годовой товарной продукции оценить трудно, по этому вопросу в литературе существуют противоположные выводы. В любом случае, весенние цены для большинства крестьян либо вовсе не имели экономического значения, поскольку весной они уже ничего не продавали, либо имели обратный экономический смысл: это были цены покупки хлеба в условиях нехватки своего продовольствия до нового урожая. Кроме того, осенние цены, в отличие от весенних, сопоставимы с показателями урожая того же года. Таким образом, как нам представляется, осенние цены позволяют сделать более корректные расчеты искомого показателя.

Подсчеты условных валовых доходов зернового производства по тем же культурам и периодам представлены в Таблице 3.

Таблица 3 – Динамика условного валового дохода зернового производства Европейской России, оцененного по средним осенним ценам, за 1884-1913 годы по десятилетиям (млн. рублей и %%)

Культуры	1884-1893		1894-1903		1904-1913	
	условный валовой доход	%	условный валовой доход	%	условный валовой доход	%
Рожь	628,6	100	654,4	104,1	980,3	155,9
Овес	245,4	100	308,0	125,5	483,4	197,0
Ячмень	135,2	100	168,3	124,5	333,0	246,2
Пшеница озимая	101,4	100	127,7	125,9	212,1	209,2
Пшеница яровая	217,7	100	284,3	130,6	562,3	258,2

Полученные результаты сравним с динамикой сборов тех же хлебов.

Несмотря на снижение цен во втором десятилетии наблюдается рост условных валовых доходов от производства зерновых культур. Однако из сопоставления данных Таблиц 2 и 3 можно сделать вывод, что рост доходов по всем культурам отставал от роста валовых сборов. Это значит, что рост производства должен был сопровождаться снижением доходности. На это можно возразить, что наши данные относятся к валовой, а не чистой доходности. Для обоснования вывода о снижении чистой доходности необходимо еще соотнести доходы с издержками производства. Однако прямой подсчет издержек в крестьянском хозяйстве вообще и в подавляющем числе частновладельческих хозяйств по имеющимся источникам практически невозможен, тем более в динамике. Существуют два обследования о стоимости производства хлебов, проводившиеся Департаментом земледелия в 1887-1888 и 1912-1914 годах на основе анкетирования добровольных корреспондентов; они неоднократно анализировались в литературе [см., напр.: 10], но мало репрезентативны, особенно для крестьянских хозяйств. Существует работа А.В. Островского, в которой сделана попытка расчетов чистой доходности в крестьянском хозяйстве на основании различных косвенных агрегированных статистических данных [11]. Проводя такие подсчеты, историки вынуждены принять предпосылку, что облик и технологический уровень зернового производства в масштабах страны в данный период (1880-е – начало 1900-х) изменялся слабо. Если это так, то, следовательно, уровень издержек можно предполагать неизменным и вывести за скобки при наших подсчетах.

Итак, наибольшее расхождение сбора и доходов во втором десятилетии наблюдается по ржи, объем производства которой вырос на 22,1%, а условный валовой доход лишь на 4,1%, т.е. рост доходности в разы отставал от роста объема. По другим культурам соотношение более благоприятное, но тенденция та же (Табл. 4). Самая дорогая культура – озимая пшеница – демонстрировала рост сборов на 42,4%, но в стоимостном выражении дает лишь 25,9% прироста. Минимальный убыток показывает овес: 27,7% роста сборов при 25,5% роста валового дохода. Собственно рост производства при падающей доходности это и есть показатель кризиса отрасли.

Таблица 4 – Сравнение прироста среднегодовых валовых сборов и условных валовых доходов зернового производства в 50 губерниях Европейской России по десятилетиям (%%)

	Второе десятилетие (1894-1903) по отношению к первому (1884-1893), %%		Третье десятилетие (1904-1913) по отношению ко второму (1894-1903), %%	
	Рост сбора	Рост дохода	Рост сбора	Рост дохода
Рожь	22,1	4,1	0,7	49,8
Овес	27,7	25,5	20,4	57,0
Ячмень	35,2	24,5	45,5	97,8
Пшеница озимая	42,4	25,9	22,7	66,1
Пшеница яровая	49,8	30,6	43,9	97,8

Данные по третьему десятилетию иллюстрируют преодоление кризиса. Как известно, мировой сельскохозяйственный кризис был преодолен в начале XX века вслед за возобновившимся ростом цен. Этому способствовал рост спроса на хлеб в силу дальнейшей индустриализации и урбанизации европейских стран, усиление животноводческой ориентации их сельского хозяйства, потребовавшей увеличения импортных кормов, ускорение индустриального развития самой России, а также постепенный рост издержек зернового производства в Америке.

Благоприятная конъюнктура сложилась и для российского зерна. Так, среднегодовое производство ржи в последнее предвоенное десятилетие, выросшее в натуре всего на 0,7%, в стоимостном выражении выросло на 49,7% (Табл. 4), т.е. теперь рост валового дохода от произведенной ржи в 71 раз превосходил рост урожая этой культуры. Аналогичная картина в меньшем масштабе складывалась и по другим хлебам: рост доходности в третьем

десятилетия по сравнению со вторым в 2-3 раза опережал рост физических объемов. Кстати, наибольшее среди всех культур расхождение между физическими объемами и доходами, наблюдаемое и при снижении, и при повышении доходности, демонстрировала рожь. Это указывает на преимущественно нетоварный, потребительский характер производства этой культуры, мало зависимый от конъюнктуры, на что обращали внимание и современники.

Таким образом, предпринятое нами сравнение цен, валовых сборов и валовых доходов основных зерновых культур за 1884-1913 годы по трем десятилетиям позволяет достаточно уверенно констатировать наличие экономического кризиса, связанного с мировым кризисом перепроизводства последней четверти XIX века.

На Рисунках 4-8 наглядно представлена степень расхождения между динамикой валовых сборов и доходов по пяти хлебам. В качестве показателя использован индекс, принимая уровень первого десятилетия за 100. Общая картина по всем культурам сходна и графически напоминает «ножницы»: до середины 1890-х годов рост производства в натуральном выражении опережает рост производства в стоимостном (за исключением овса, у которого обе линии шли почти параллельно); со второй половины 1890-х годов наблюдается перелом тенденции, и углубляется расхождение в противоположную сторону, благоприятную для производителя.

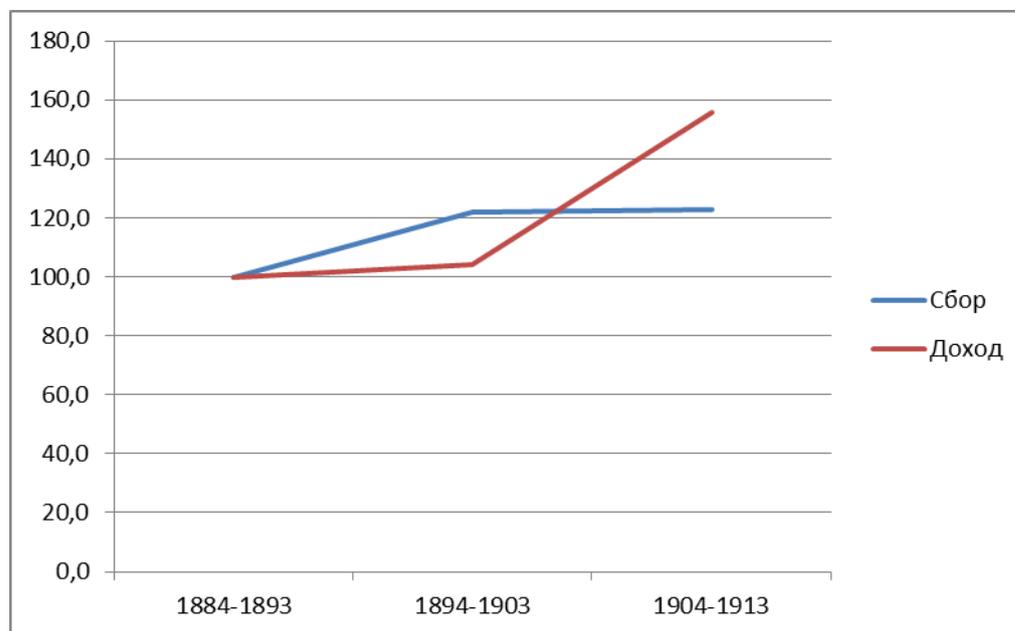

Рисунок 4 – Динамика индексов средних валовых сборов и доходов ржи, в % по десятилетиям

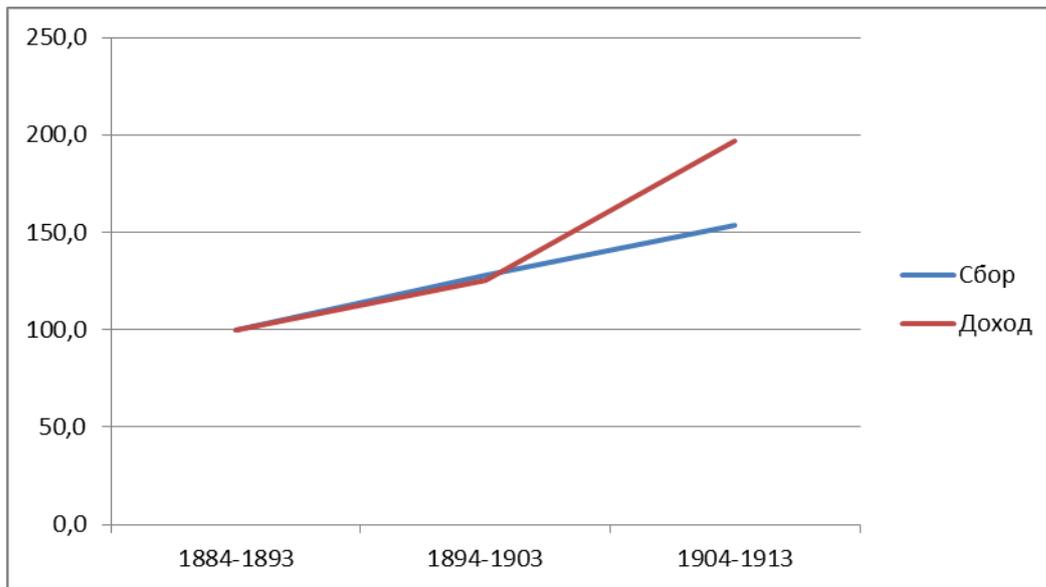

Рисунок 5 – Динамика индексов средних валовых сборов и доходов овса, в %% по десятилетиям

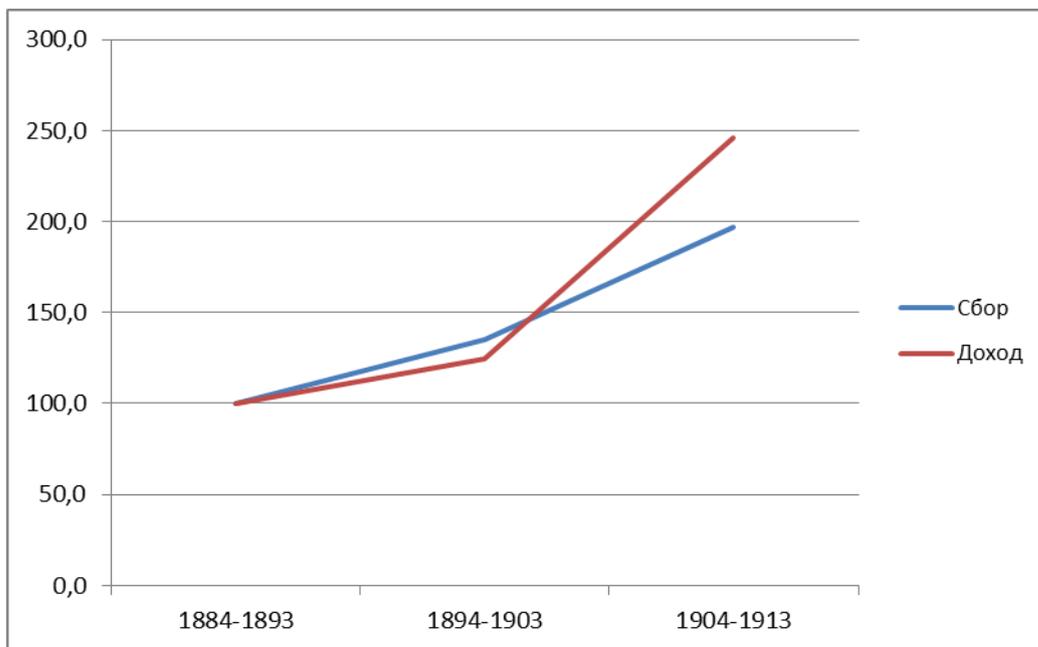

Рисунок 6 – Динамика индексов средних валовых сборов и доходов ячменя, в %% по десятилетиям

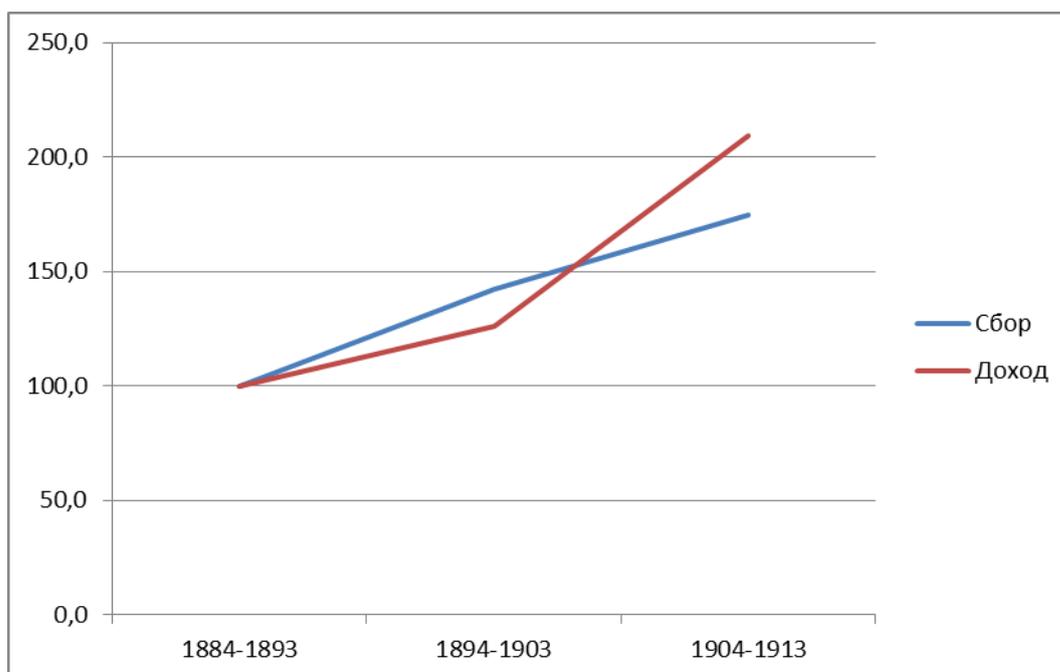

Рисунок 7 – Динамика индексов средних валовых сборов и доходов озимой пшеницы, в %% по десятилетиям

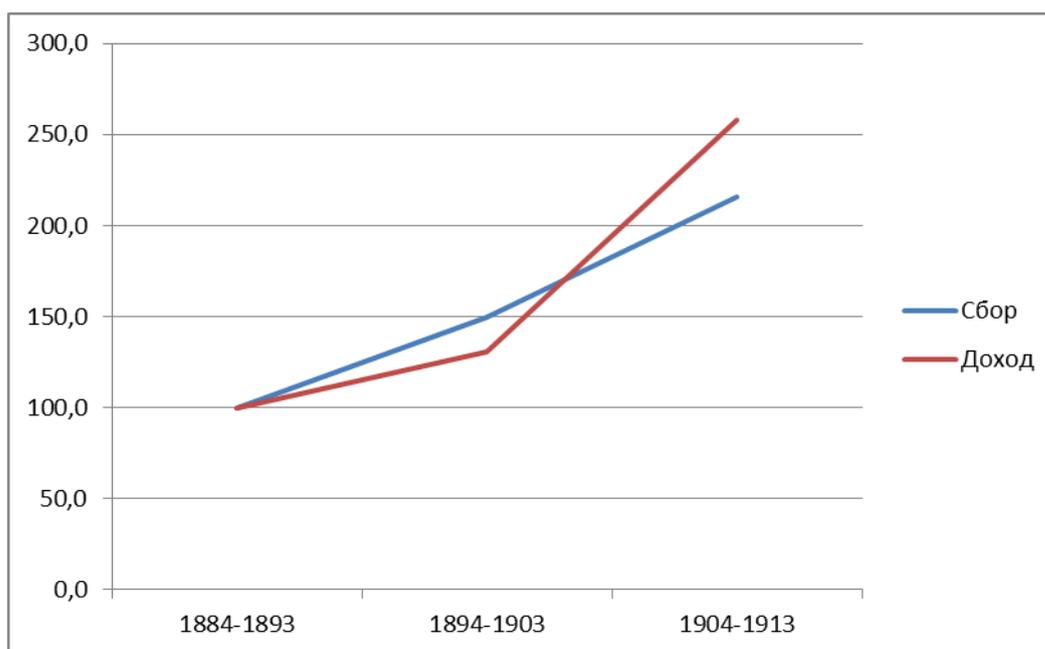

Рисунок 8 – Динамика индексов средних валовых сборов и доходов яровой пшеницы, в %% по десятилетиям

К вышеприведенным подсчетам, разумеется, можно предъявить методологические претензии, например, указав на необходимость устранить из подсчетов экстремальные значения 1891 и 1894 годов. Прделав такую операцию, мы получили бы для сравнения два промежутка по 9 лет и один десятилетний. Динамика цен в первых двух периодах показала бы не падение, а небольшой рост или стагнацию, и картина кризиса была бы смазанной. Однозначно был бы виден лишь посткризисный подъем в третьем периоде, который в таком

случае выглядел бы даже несколько более крутым. Аналогичная картина была бы, если разбить статистические ряды не на три, а на четыре периода по 7 лет в каждом. Возможно, с точки зрения статистики, удаление данных 1891 года было бы методологически корректным приемом, однако «удалить» бедствие 1891 года и его долговременные последствия, одним из которых был и ценовой провал 1894 года, из исторического анализа невозможно. 1891 год исторически значим, он символизирует пик аграрного кризиса, задает нерв дискуссий.

4 Динамика экспорта, рынка земли и сельскохозяйственной техники

Выявленные тенденции кризиса и стагнации, переживавшиеся в 1880-е – первой половине 1890-х годов, можно проследить и по другим статистикам. В частности, заметно воздействие кризиса на экспорт зерновых (Рис.9).

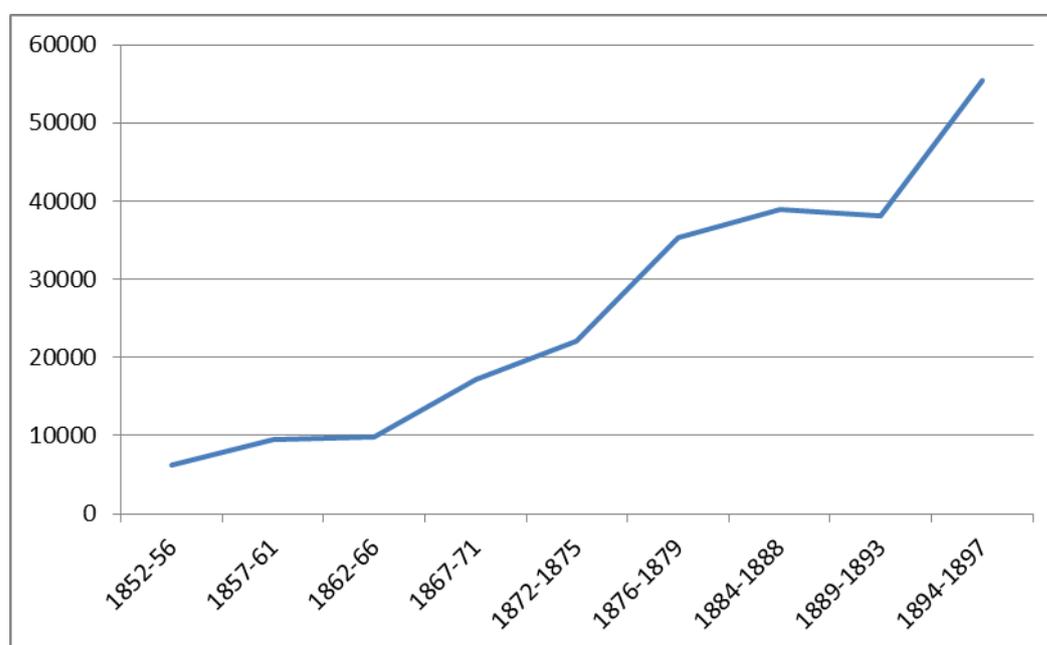

Рисунок 9 – Динамика вывоза четырех основных зерновых культур из России за 1852-1897 годы по периодам (тысяч четвертей)
[Подсчитано по: 12. С. 6. Табл.10]

На диаграмме отчетливо видны два периода активного роста экспорта: 1) от отмены крепостного права до начала кризиса, 2) с середины 1890-х годов. Между этими периодами годы кризиса – середина 1870-х – середина 1890-х годов – в течение которых наблюдается стагнация объемов хлебного экспорта. Аналогичную динамику демонстрирует статистика железнодорожных перевозок хлебных грузов по российским железным дорогам. В 1870-е – начало 1880-х годов наблюдался рост объемов перевозок, с середины 1880-х до начала 1890-х – стагнация [13. С. 111].

Динамику земельного рынка можно анализировать по статистике купли-продажи земельных участков, собранной по сенатским объявлениям (Рис.10), в которой учитывались покупатели всех сословий, и – для крестьян – по статистике ссуд Крестьянского поземельного банка (Рис.11).

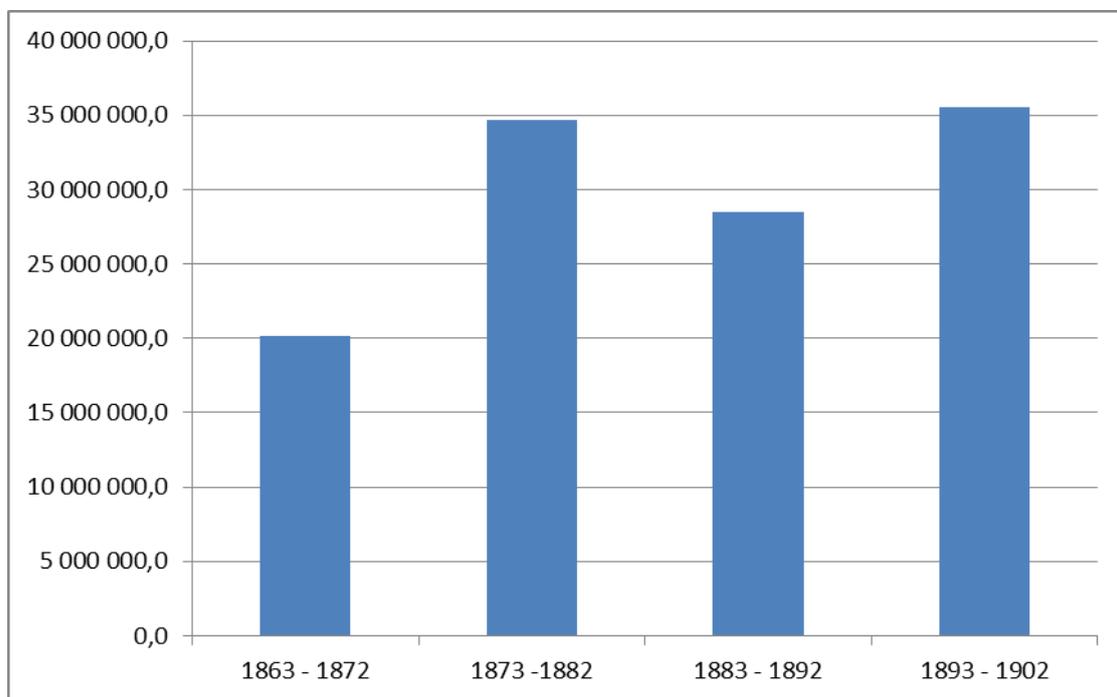

Рисунок 10 – Динамика продаж и покупок земель (вне городов) по 45 губерниям Европейской России по данным сенатских объявлений в 1863-1902 годах по десятилетиям (в десятинах) [14]

Характерен рост количества земли в рыночном обороте от первого десятилетия ко второму, что соответствует периоду оживления предпринимательской активности в сельском хозяйстве после отмены крепостного права до начала кризиса. Затем наблюдается существенное снижение в третье десятилетие, которое соответствует периоду наибольшего влияния мировой аграрной депрессии. Последнее десятилетие снова демонстрировало подъем, совпадающий с подъемом конъюнктуры мирового рынка. Представляет интерес статистика ссуд, выдававшихся Крестьянским банком с момента начала его деятельности в 1883 году (Рис.11).

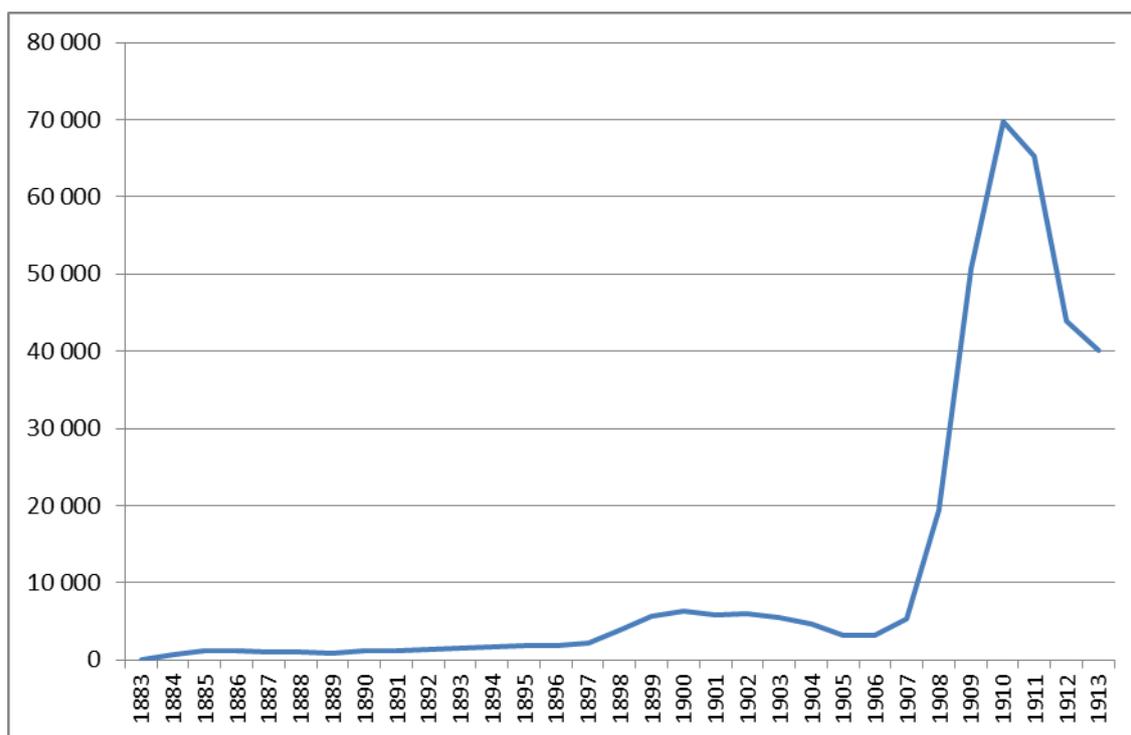

Рисунок 11 – Динамика числа ссуд, выданных Крестьянским банком всем категориям заемщиков (покупателей) в 1883-1913 годах [15. с. 609]

До 1897 года количество покупателей-крестьян, обращавшихся в банк, было стабильным и невысоким. Лишь с конца 1890-х годов начинается ощутимое увеличение, прерванное первой российской революцией, после которой фиксируется взрывной рост. Рост после 1907 года связан со столыпинской реформой, в ходе которой изменились условия деятельности самого банка. Но первый подъем, с конца 1890-х годов, наблюдавшийся в неизменных условиях, может быть объяснен лишь усилением рыночной конъюнктуры, что совпадает с периодом окончания мирового кризиса.

В плане влияния мирового кризиса на процессы российского сельского хозяйства показательна статистика импорта сельскохозяйственных орудий и машин (Рис.12). На диаграмме можно наблюдать знакомую динамику: некоторый рост до первой половины 1880-х годов, затем спад и стагнация, и резкий подъем с начала XX века, соответствующий периоду преодоления мирового кризиса.

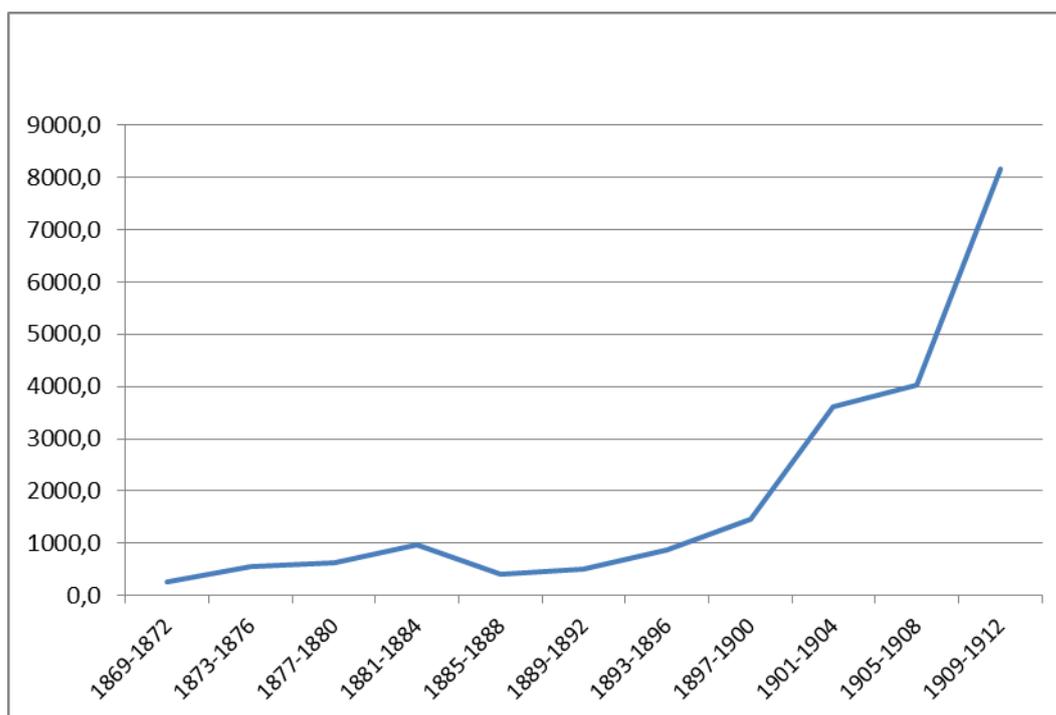

Рисунок 12. Динамика ввоза сельскохозяйственных орудий и машин в Россию в 1869-1912 годы по периодам (тысяч пудов)
 [Составлено по: до 1896 года – 16. С. 215; с 1897 года – 17. С. 96-97.]

Таким образом, период стагнации, хронологически совпадающий с периодом мировой аграрной депрессии, уверенно фиксируется, по крайней мере, несколькими статистиками: статистикой местных цен на хлеба, статистикой валовой доходности зернового производства, хлебного экспорта, железнодорожных перевозок, купли-продажи земли, импорта сельскохозяйственных машин и орудий. Статистика демонстрирует неравномерность развития аграрной экономики и аграрного (хлебного) рынка в России в пореформенный период. Поэтому представляется целесообразным в трактовке этого исторического периода вернуться от оптимистических, прямолинейно прогрессистских оценок П. Грегори, Б.Н. Миронова и некоторых других современных авторов к оценкам историков 1920-х годов, которые выделяли в пореформенной эпохе три этапа:

- 1) плавный подъем 1860-х – 1870-х годов;
- 2) аграрный кризис 1880-х – 1890-х годов;
- 3) преодоление кризиса с конца 1890-х годов и вторая волна подъема, продолжавшаяся до первой мировой войны.

Недостаток линейно-прогрессистской парадигмы видится в том, что ее сторонники склонны рассматривать весь пореформенный полувековой период сквозь призму его последнего этапа, наиболее успешного для аграрной экономики. Между тем, аграрный и экономический подъем поздней имперской России, обусловленный периодом растущей

конъюнктуры мирового аграрного рынка, начался после довольно длительной стагнации в период мировой аграрной депрессии. Объективное историко-экономическое исследование должно не игнорировать этот этап, а изучать его, в частности уделяя внимание влиянию мирового кризиса на российское сельское хозяйство, крестьянство и социальные отношения в аграрной сфере. Отрицание же кризиса непродуктивно, поскольку закрывает такого рода исследовательскую перспективу.

5 Анализ динамики поголовья скота по 50 губерниям Европейской России конца XIX – начала XX в.

Для анализа процессов аграрного развития не менее важное значение, чем статистика зернового производства, имеет статистика животноводства. Дела с ней обстоят значительно сложнее. Как уже указывалось нами в первой части отчета, до 1917 г. в России существовал только учет численности поголовья скота, но не его продуктивности. Поголовье учитывалось разными видами статистик. Регулярный ежегодный (почти ежегодный) учет велся ветеринарным управлением МВД (с 1887 г.) и Центральным статистическим комитетом (эпизодически с 1882 г., ежегодно с 1900 г.). Кроме того учет лошадей велся периодически проводившимися военно-конскими переписями (первая в 1882 г., последняя в 1912 г.). В 1916 г. была проведена сельскохозяйственная перепись, в которой также была учтена численность скота, причем по гораздо более подробной программе, чем всеми предыдущими статистиками. На локальном уровне (отдельных губерний) существовали также земские переписи.

Исследователи давно спорят по поводу достоверности сведений всех этих источников, обычно критически оценивая качество первых двух: ветеринарной статистики и статистики ЦСК. Вплоть до признания их полной негодности: «Первые два источника страдают таким значительным недоучетом, что пользоваться их абсолютными итогами совершенно невозможно» [18. С. 103-104]. К такому заключению исследователей приводило сопоставление численности поголовья по этим источникам и переписи 1916 г. Так, расхождение между ЦСК и переписью 1916 г., в пределах европейской части России, оказывалось значительным в пользу переписи: по лошадям – на 20 %, по крупному рогатому скоту – в 1,4 раза, по овцам, козам, свиньям – более чем в 1,8 раза.

Серьезный разговор о необходимости внесения повышающих поправок в регулярную статистику животноводства царской России начал А.Л. Вайнштейн. В статье 1960 г. он обосновал необходимость увеличить данные статистики ЦСК в предвоенные годы и годы Первой мировой войны на разность этих данных с данными переписи 1916 г. Имелось в

виду, что перепись, основанная на подворном учете хозяйств, в принципе является более надежным источником, чем непонятно как собиравшиеся данные губернских ветеринаров и скотопрогонных трактов (для ветеринарного департамента), полиции и волостных правлений (для ЦСК). При этом он указывал, что динамику поголовья статистика ЦСК учитывала верно, по крайней мере с 1909 г.: «Данные ЦСК до 1909 г. при динамическом сравнении не обнаруживают резких колебаний. Лишь с 1909 г. погодные ряды цифр обнаруживают тенденцию заметного повышения количества скота как по отдельным его видам, так и по отдельным крупным территориальным массивам... в соответствии с общим развитием народного хозяйства страны. Следовательно, только с 1909 г. можно считать, что этот источник стал сколько-нибудь правильно отражать действительную картину развития скотоводства, если не в абсолютных цифрах, то в динамическом аспекте» [18. С. 91]. Думается, для правильного понимания позиции этого авторитетного автора необходимо учесть, что его работа была подчинена определенной цели – исчислить национальное богатство России накануне Первой мировой войны. Принятие цифр статистики ЦСК 1914 г. без поправок было бы равносильно признанию, что за два года мировой войны поголовье скота в России не только не уменьшилось, но сильно увеличилось, что, по мнению А.Л. Вайнштейна, противоречило бы здравому смыслу. Кстати, составители публикации переписи 1916 г. готовы были принять и такой вывод, по крайней мере, они утверждали, что война не нанесла настолько большого ущерба сельскому хозяйству, как этого можно было бы опасаться. Но согласие с такой позицией порождало бы и еще один идеологически нежелательный для А.Л. Вайнштейна подтекст: получалось бы, что все потери животноводства, катастрофический масштаб которых обнаружился в 1921 г., относились только к периоду революции и гражданской войны, а не Первой мировой войны. Логичным был вывод: не перепись 1916 г. преувеличила численность скота, а предвоенная регулярная статистика страдала недоучетом. Но при этом регулярная статистика верно показывала динамику сокращения поголовья в 1915 – 1916 гг. Следовательно, из данных переписи 1916 г. можно вывести повышающий коэффициент для абсолютных значений ЦСК, а динамику относительного сокращения по статистике ЦСК надо оставить без изменения. Именно эту задачу решил А.Л. Вайнштейн. Надо также отметить, что его интересовали обобщенные показатели по всей Российской империи, и статистику на уровне отдельных губерний он не анализировал.

Выводы А.Л. Вайнштейна в 1990-е – 2000-е гг. поддержали историки П. Грегори, Б.Н. Миронов, в работах которых рисуется картина динамичного социально-экономического и политического развития поздней царской России. Против этой «оптимистической» концепции выступили С.А. Нефедов и А.В. Островский. В специальной статье С.А. Нефедов

предпринял попытку «по мере возможности реабилитировать российскую животноводческую статистику» [19]. Надо признать, в значительной мере ему это удалось. Рассмотрим логику анализа этого исследователя.

Во-первых, он отдельно проанализировал статистику по рабочим и нерабочим лошадям. Сравнив численность рабочих (взрослых, старше 4 лет) лошадей по данным ЦСК за 1914 и 1915 гг. с данными переписи 1916 г. по 45 губерниям, исследователь обнаружил, что увеличение, зафиксированное переписью, приходится, главным образом всего на две губернии, Астраханскую и Оренбургскую. Очевидно, что в этих губерниях «имелось огромное поголовье лошадей, принадлежащих казакам, казахам и калмыкам, которое в действительности не использовалось как рабочий скот и поэтому не учитывалось ЦСК; очевидно, перепись учла этих лошадей в числе рабочих» [19. С. 100]. В то же время в большинстве губерний перепись показала сокращение поголовья лошадей по сравнению с цифрами ЦСК за 1914 г., что соответствует и здравому смыслу. Это значит, что недоучет регулярной статистикой поголовья взрослых лошадей во многом составлялся из лошадей скотоводов-кочевников, а не лошадей в земледельческих хозяйствах. В то же время в ряде губерний, где перепись показала сокращение количества лошадей по сравнению с 1914 г., она показала увеличение по сравнению с 1915 г. С.А. Нефедов полагает, что этот парадокс можно объяснить тем, что отступающие русские войска и беженцы из оккупированных губерний перегнали оттуда часть скота во внутренние губернии, во всяком случае, суммарная прибавка (762 тысячи голов) меньше, чем количество лошадей, насчитывавшихся статистикой предыдущего года на оккупированных территориях (более 1 млн.), то есть такое предположение не противоречит фактам.

Статистика нерабочих лошадей (в возрасте до 4 лет) имеет более существенные расхождения между данными ЦСК и переписью. Но, как показал С.А. Нефедов, эти расхождения практически исчезают, если из данных переписи вычесть численность жеребят до 1 года. Это означает, что регулярная статистика, как правило, просто исключала жеребят из подсчетов: «...учетная категория ЦСК «нерабочие лошади» в целом соответствовала группе лошадей от одного до трех лет...» [19. С. 101], тогда как перепись учитывала всё поголовье от 0 лет. Исключение из статистики ЦСК жеребят, вероятно, обосновывалось тем, что «смертность среди жеребят была очень высока, но главное: часто коневладельцы не могли обеспечить жеребят зимними кормами или желали извлечь выгоду от продажи мяса и кож – поэтому многих жеребят осенью забивали» [19. С. 101].

Аналогичная ситуация выявилась и при анализе статистики крупного рогатого скота: данные ЦСК до 1916 г. и данные переписи 1916 г. оказались хорошо сопоставимы после вычитания из переписи числа телят до 1 года. Следовательно, и здесь статистика ЦСК не

учитывала молодняк: «При этом неучет телят в данных ЦСК имел достаточно веские основания, – полагает С.А. Нефедов, – Почти все бычки и большая часть телочек откармливались и в первый же год жизни шли на убой. Поэтому численность телят была эфемерным понятием и устанавливать ее не имело реального смысла» [19. С. 104]. Анализ данных по поголовью свиней привел исследователя к выводу, что численность свиней резко колебалась в течение года, так как свиноматка может приплод дважды в год по 5 – 6 поросят. Следовательно, после опороса численность свиней резко возрастала, но затем в течение первых нескольких месяцев также резко убывала. «Учет в таких условиях возможен лишь в том случае, если он проводится в разные годы в один и тот же месяц, а лучше – в одну и ту же неделю. Поскольку учет ЦСК 1915 г. и перепись 1916 г. не были синхронизированы, то они должны были неминуемо дать различные и несопоставимые цифры» [19. С. 106]. Погубернский анализ поголовья свиней показал достаточно сильные разрывы в численности между губерниями – в одних резкую убыль в следующем году, в других – увеличение. С.А. Нефедов сделал предположение, по-видимому, оправданное, что за этим стоят перевозки поросят на откорм из окраинных местностей в центральные губернии, где после откорма их забивали. Та же картина проступила при анализе поголовья овец и коз (они совмещались в статистике ЦСК): предположения о неучете молодняка и перевозках ягнят позволяют объяснить расхождение между погодной статистикой и переписью.

Важная часть работы С.А. Нефедова заключалась также в анализе динамики статистики ЦСК за 1904 – 1915 гг. Если А.Л. Вайнштейн полагал, что динамика стала адекватной лишь с 1909 г., то С.А. Нефедов при помощи регрессии доказал, что и с 1904 г. динамика теснейшим образом коррелировала с основными показателями других статистик, прежде всего статистики населения, урожайности и сборов сена. Таким образом, есть основания утверждать, что статистические ряды ЦСК достаточно достоверно отражали реальную численность поголовья.

Почему речь идет о статистических рядах ЦСК только с 1904 г.? Дело в том, что до этого ЦСК публиковал данные, извлеченные из разных источников: по лошадям в 1882 и 1888 г. – по военно-конским переписям, по другим видам скота, а также по всем видам скота в 1883, 1890 гг. и в 1901-1903 гг. – по отчетам губернаторов, в 1900 г. публиковались данные собственного специального обследования; эти сведения собирались по различным программам, в частности, отчеты губернаторов были приурочены к концу соответствующего года. Только с 1904 г. сведения стали собираться по единой методике, основываясь на сообщениях сельских волостных правлений; они приурочивались к лету соответствующего года. Момент сбора сведений очень важен для статистики животноводства. Как пояснял А.Л.

Вайнштейн, «...внутригодовая численность скота отличается резко выраженной сезонностью; к началу календарного года она минимальна. Затем с февраля – по мере появления приплода – она почти непрерывно растет, достигая максимальной цифры в конце осени (примерно на 1 октября) с тем, чтобы после осенне-зимнего убоя опять снизиться до минимума», следовательно, «так как численность скота подвержена очень сильным внутригодовым колебаниям... для сопоставления сведений по разным источникам необходимо знать, к какому времени года приурочена регистрация скота» [18. С. 90, 95].

Однако предметом нашего интереса является период мирового аграрного кризиса середины 1870-х – середины 1890-х гг., на который сопоставимые сведения ЦСК не распространяются. Не значит ли это, что в нашем распоряжении нет источников, позволяющих достоверно выявить динамику поголовья скота за этот период? Строго говоря, это так. Тем не менее, понимая, что данные, собранные разными ведомствами в разные периоды года и по разным программам, не вполне сопоставимы между собой, думается, имеет смысл проследить динамику по всем имеющимся данным.

Начнем со статистики поголовья лошадей. Данные о движении численности лошадей по сведениям ветеринарной и статистики ЦСК представлены на графике (рис. 13).

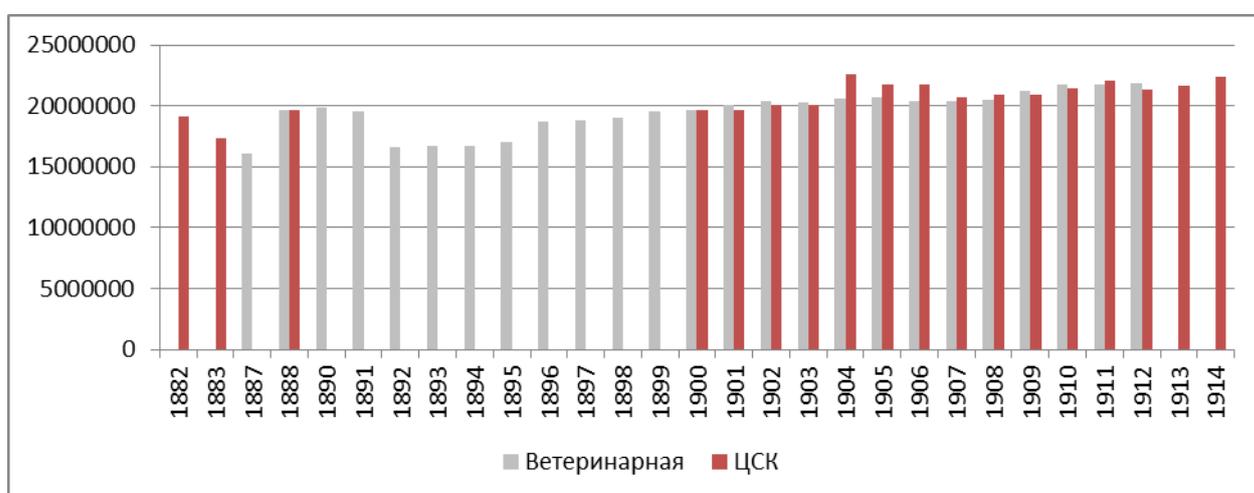

Рисунок 13. Динамика поголовья лошадей в 50 губерниях Европейской России по данным ветеринарной статистики и ЦСК за 1882 – 1914 гг.

[Составлено по: Отчет ветеринарного отделения МВД за ... год; Отчет по ветеринарной части в России за ... год. СПб. - Пг., 1890 – 1915; Сборник сведений по Европейской России за 1882 год. СПб., 1884. табл. 23. С. 138-139; Сборник сведений по России за 1883 г. С. 135; Сборник сведений по России, 1890. СПб., 1890. Табл. CLXX. С. 328-329; Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в. Вып. 3. СПб., 1906. Отд. 6. Табл. 3; :Статистический ежегодник России 1911 - 1914 гг. СПб., 1912 – 1915.]

Во-первых, можно обратить внимание на некоторый разбой цифр в ранние годы наблюдений. Совпадение обоих источников в 1888 г. объясняется использованием в обоих случаях данных военно-конской переписи. Далее, за 1890-е гг., имеется только ветеринарная статистика. Падение поголовья в 1890 – 1892 гг. можно объяснить последствиями неурожая и голода 1891 – 1892 гг. Вызывает вопросы скачок цифр от 1895 к 1896 гг. после которого надолго повышается общий уровень поголовья. На этот разлом обращали внимание все исследователи и приходили к выводу, что причина здесь лежит не в действительном увеличении стада, а в улучшении качества учета. Следовательно, до 1896 г. имел место значительный недоучет. С 1900 г. оба ряда демонстрируют сходную динамику, хотя статистика ЦСК в 1904 – 1906 гг. дает некоторое превышение. Это может показаться странным, поскольку в статистике ЦСК учитывался только скот в сельском хозяйстве, а в ветеринарной статистике весь скот, включая города. Однако надо учесть, что статистика ЦСК фиксировала ситуацию на лето года, а ветеринарная – на конец года (минимальную численность), то есть цифры не противоречат логике. Затем ряд ЦСК дает некоторое понижение, и после 1907 г. оба ряда данных идут согласованно и очень близки по абсолютным значениям, то есть данные ЦСК перестают превышать ветеринарные, что несколько странно, учитывая, что сроки сбора сведений не должны были меняться. В то же время можно предполагать, что качество учета в более поздние годы увеличивалось, и эти данные более надежны, чем более ранние. Следует также учесть выводы С.А. Нефедова, что эти данные почти не учитывали жеребят до 1 года, хотя с точки зрения динамики это не имеет большого значения. Данные о движении численности крупного рогатого скота представлены в диаграмме (рис. 14)

Рисунок 14 – Динамика поголовья крупного рогатого скота в 50 губерниях Европейской России по данным ветеринарной статистики и ЦСК за 1882 – 1914 гг.

В этих статистических рядах можно обратить внимание на гораздо меньшее падение в период кризисных 1891 – 1892 гг., чем поголовья лошадей; очевидно, корова – это последнее, с чем расстанется крестьянская семья. Также заметен резкий скачок цифр между 1895 и 1896 гг., не имеющий внятного объяснения. Заметно, что динамика ряда ЦСК (после 1900 г.) подвержена более резким колебаниям, чем ряда ветеринарной статистики, но в целом динамика обоими рядами рисуется сходным образом.

Козы и овцы учитывались в статистике ЦСК вместе, а в ветеринарной статистике раздельно. Анализ показывает, что поголовье овец намного превышало поголовье коз, которые в ряде северных губерний России были практически вообще не известны. Доля коз в совокупном овечье-козьем поголовье выглядит ничтожной (рис. 15).

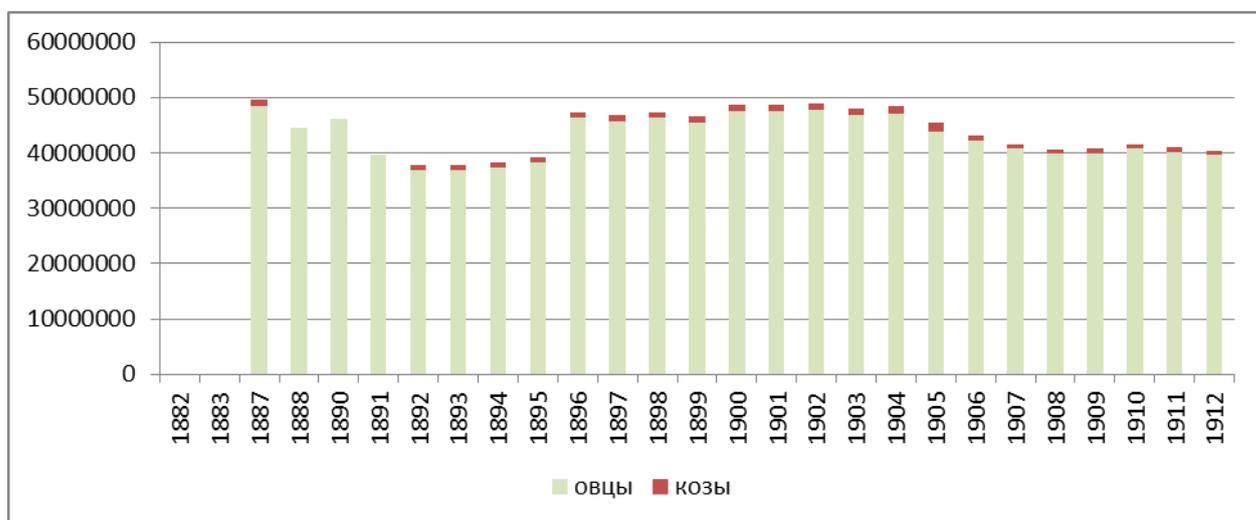

Рисунок 15 – Динамика поголовья овец и коз в 50 губерниях Европейской России по данным ветеринарной статистики и доля козьего поголовья.

Суммировав число коз и овец в ветеринарной статистике, сопоставим динамику их поголовья по двум статистическим рядам (рис. 16).

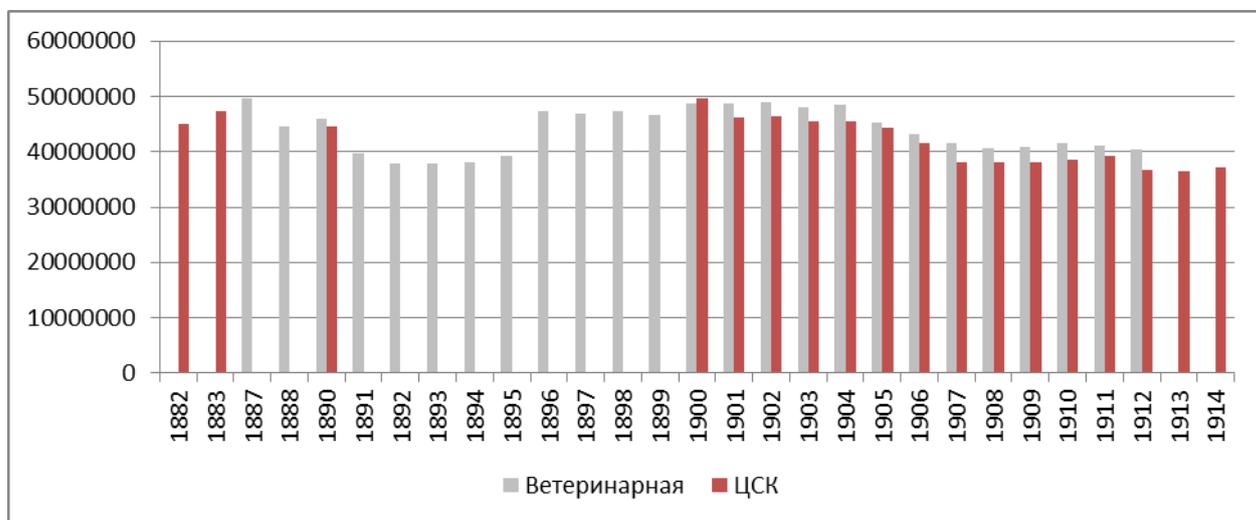

Рисунок 16. Динамика поголовья овец и коз в 50 губерниях Европейской России по данным ветеринарной статистики и ЦСК за 1882 – 1914 гг.

Поголовье овец было наиболее многочисленным среди всех видов скота, доходя на максимуме до 50 млн. голов. Статистика демонстрирует сильный спад поголовья мелкого рогатого скота от 1880-х гг. к первой половине 1890-х гг. Затем тот же необъяснимый скачок от 1895 к 1896 гг. Появляющаяся с 1900 г. статистика ЦСК далее рисует схожую динамику с ветеринарной статистикой, ее тенденция – понижение численности с начала XX в. до Первой мировой войны. Эта тенденция давала основание исследователям говорить о «кризисе российского овцеводства» [20]

Статистика поголовья свиней характеризуется наименьшей степенью достоверности среди прочих видов скота ввиду сложности учета. Ее динамика представляется следующим образом (рис. 17)

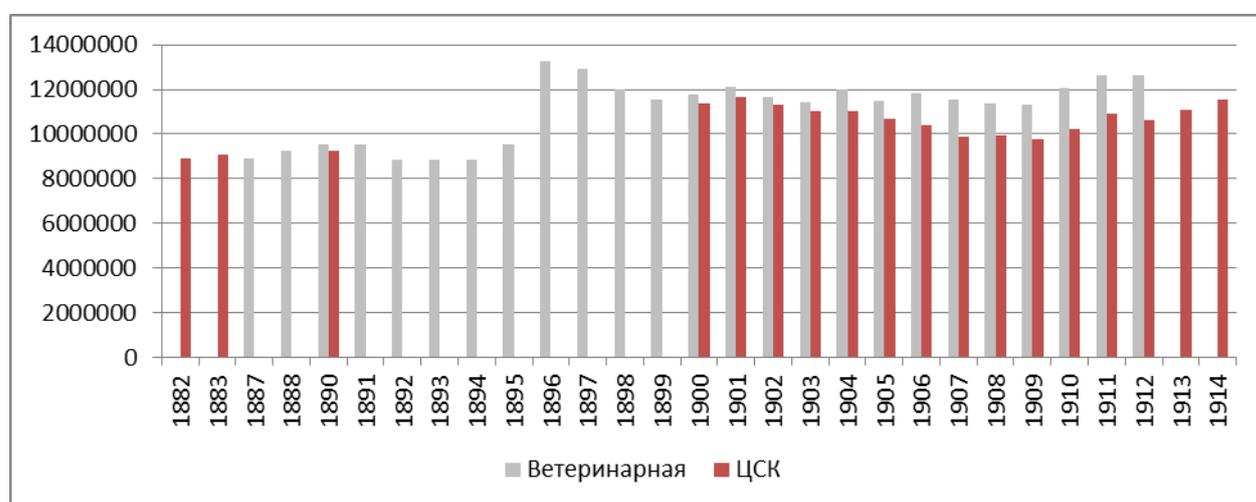

Рисунок 17. Динамика поголовья свиней в 50 губерниях Европейской России по данным ветеринарной статистики и ЦСК за 1882 – 1914 гг.

Оба статистических ряда демонстрируют более сильные погодные колебания поголовья свиней по сравнению с другими видами скота. Различия в абсолютных значениях статистик ЦСК и ветеринарной после 1900 г. имеют более выраженный характер. В ветеринарной статистике присутствует тот же разрыв 1895 – 1896 гг.

Обобщая обзор статистических рядов, можно отметить, что, во-первых, для всех видов скота характерна позитивная динамика во второй половине 1890-х гг., хотя нет уверенности, что за этим стоит реальный рост, а не улучшение качества учета. Во-вторых, обращает на себя внимание отсутствие четкой позитивной динамики в начале XX в. до Первой мировой войны. Этот период многими современными исследователями рассматривается как период успешной модернизации России и бурного роста ее экономики, который часто связывают со столыпинской реформой. Однако по статистике скотоводства

количественного роста не наблюдается. О небольшом повышении поголовья можно говорить только применительно к лошадям. Крупный рогатый скот демонстрирует стагнацию, рост поголовья свиней заметен после 1910 г., но и тогда он не достигает максимальных значений конца 1890-х гг. Может быть, отсутствие количественного роста поголовья компенсировалось улучшением в этот период его качественного состава? Не исключено, но ответить на этот вопрос не позволяет отсутствие данных о весе и продуктивности скота.

Относительно поголовья овец можно уверенно констатировать спад на всем протяжении 1900 – 1914 гг. Этот факт имеет объяснение в двух известных тенденциях того времени: 1) падение спроса на шерсть и 2) сокращение площади пастбищ из-за распашки земель под пашню. Во втором случае, овцы, как менее ценный скот, чем коровы, подлежали сокращению в первую очередь.

Поскольку население Европейской России непрерывно росло, имеет смысл рассчитать численность поголовья скота на душу населения. Взяв статистику ЦСК за 1883, 1900 и 1913 гг. (сельский скот в 50 губерниях Европейской России и все население этих губерний), получаем следующий результат (таблица 5).

Таблица 5 – Численность населения, скота и обеспеченность скотом (голов на душу населения) в 1883, 1900, 1913 гг.

	Население	Лошади		КРС		Овцы, козы		Свиньи	
		поголовье	на душу населения	поголовье	на душу населения	поголовье	на душу населения	поголовье	на душу населения
1883	78590394	17372892	0,22	23191344	0,30	47421017	0,60	9095453	0,12
1900	99052611	19681769	0,20	32913228	0,33	49643410	0,50	11370511	0,11
1913	124499300	21605834	0,17	32027123	0,26	36375916	0,29	11099389	0,09

[Составлено по: Сборник сведений по России за 1883 г.; Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в. Вып. 3. СПб., 1906; Статистический ежегодник России 1913 гг. СПб., 1914.]

Годы, взятые в качестве контрольных точек, не были неурожайными или неблагоприятными по погодным условиям. Сопоставление показывает, что поголовье скота на душу населения неизменно сокращалось по всем видам скота, за исключением поголовья крупного рогатого скота в период между 1883 и 1900 гг., когда оно выросло. Важно, что погубернский анализ этого показателя свидетельствует, что сокращение обеспеченности крупным рогатым скотом между 1900 и 1913 гг. произошло в 48 из 50 губерний Европейской России (кроме Московской и Пензенской, где этот показатель незначительно вырос), то есть не приходится говорить даже о сколько-нибудь заметном очаговом прогрессе. А.В. Островский, проведя аналогичные подсчеты по другим источникам – ветеринарной статистике и скорректированным данным по численности населения (по А. Рашину) –

получил несколько иные цифры обеспеченности скотом, но совершенно аналогичные тенденции [21. С. 132].

На основании такого рода данных некоторые историки, относящиеся к так называемому «пессимистическому» направлению констатируют в поздней царской России «кризис животноводства», который «был проявлением мальтузианского кризиса, вызванного ростом населения» [19. С. 110]. Думается, такие интерпретации преждевременны. Однако данные цифры позволяют оценить убедительность еще одной гипотезы относительно тенденций аграрного развития России, согласно которой в России в период мирового аграрного кризиса последней четверти XIX в. могли сформироваться предпосылки для интенсификации сельского хозяйства путем развития животноводства при затухании зернового производства, как это было в Англии и других странах Западной Европы. Приходится констатировать, что данная гипотеза в первом приближении не находит эмпирического подтверждения. Статистика животноводства не дает оснований говорить об интенсификации этой отрасли как значимом явлении.

В заключение данного раздела остановимся еще раз на вопросе достоверности (адекватности) ветеринарной статистики, которая часто подвергалась сомнению исследователями. В качестве полигона возьмем кризис 1891 – 1892 гг., когда сельское население России переживало большой недород хлебов и голод. Сильная голодовка всегда сопровождалась сбросом поголовья из-за усиленной продажи скота крестьянами и его сверхобычного падежа, в силу недостатка кормов. Если статистика поголовья скота была адекватна, она должна была отразить спад поголовья в этот период. Поскольку голод был не повсеместным, рассмотрим только губернии, которые наиболее сильно пострадали. К таковым относились губернии: Воронежская, Вятская, Казанская, Нижегородская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Пермская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Тамбовская, Тульская, Уфимская, Херсонская. В таблице 6 даны сравнения средних показателей кризисных 1891 – 1892 гг. со средними значениями за предкризисные 1888 и 1890 гг. по сведениям ветеринарной статистики.

Таблица 6 – Динамика численности скота в 1891 – 1892 гг. по сравнению с 1888 – 1890 гг. (в %%)

Губернии	Лошади	Крупный рогатый скот	Овцы	Козы	Свиньи
Воронежская	63,1%	70,8%	59,0%	95,9%	42,0%
Вятская	75,5%	103,6%	50,5%	58,4%	28,8%
Казанская	69,3%	82,5%	77,2%	95,3%	68,5%
Нижегородская	65,9%	64,4%	49,7%	40,6%	35,9%
Оренбургская	83,9%	96,7%	62,2%	57,9%	81,3%
Орловская	78,5%	94,9%	73,4%	98,2%	39,6%
Пензенская	66,5%	65,3%	61,0%	73,4%	46,0%
Пермская	158,2%	89,0%	89,5%	101,7%	51,8%
Рязанская	64,8%	83,1%	70,0%	63,0%	51,3%
Самарская	54,2%	46,3%	51,6%	63,1%	45,9%
Саратовская	82,0%	125,3%	64,6%	61,5%	65,2%
Симбирская	67,3%	90,3%	57,7%	78,5%	59,3%
Тамбовская	64,4%	67,7%	68,6%	54,5%	87,4%
Тульская	75,3%	85,9%	77,4%	95,9%	42,0%
Уфимская	96,7%	97,7%	84,8%	58,4%	28,8%
Херсонская	100,1%	77,6%	73,3%	95,3%	68,5%

[Подсчитано по: Отчет ветеринарного отделения МВД за 1888, 1890, 1891, 1892 гг.]

Сравнение показывает, что неурожай 1891 – 1892 гг. находит отражение в статистике поголовья скота на погубернском уровне. Почти во всех губерниях, признанных голодавшими, мы видим сокращение поголовья почти всех видов скота. Немногочисленные исключения представлены Вятской губернией, сохранившей поголовье крупного рогатого скота, Херсонской, сохранившей поголовье лошадей, а также двумя случаями необъяснимого резкого увеличения поголовья: в Пермской губернии более чем в полтора раза выросло число лошадей, в Саратовской губернии – на четверть выросло число крупного рогатого скота. Не исключено, что имели место опечатки в публикациях сведений, поскольку такой резкий рост поголовья невозможно представить даже в благоприятные годы. В остальных случаях имеет место убыль скота, местами катастрофическая – на треть и более, как в Самарской, Нижегородской, Тамбовской губерниях, что коррелирует со сведениями о голоде в них. В целом, наше сопоставление свидетельствует и ветеринарная

статистика может, с определенными оговорками и в определенных пределах, служить источником для анализа динамики поголовья скота не только в период кануна Первой мировой войны, но и в конце XIX в.

6 Массовый голод как проявление аграрного кризиса

Массовый голод может рассматриваться как крайнее, наиболее острое проявление аграрного кризиса. Если считать основной функцией сельского хозяйства обеспечение людей продовольствием, то нехватка продовольствия означает, что сельское хозяйство по тем или иным причинам не справляется со своим основным предназначением. Примечательно, что в классической экономической теории под кризисом понимался кризис перепроизводства, однако современные российские историки-аграрники такого кризиса не знают, и склонны само понятие кризиса рассматривать исключительно в контексте дефицита продовольствия и голода. В.А. Ильиных дает такое определение сельскохозяйственного кризиса: «Кризис сельского хозяйства – резкий спад производства сельскохозяйственной продукции, его стагнация или устойчивое замедление темпов прироста, вызывающее нехватку продуктов питания и сельскохозяйственного сырья в стране или регионе» [22. С. 119].

Слово «голод» имеет и имело в русском языке разные оттенки смысла. Так, еще в «Толковом словаре живого русского языка» В.И. Даля отделялось чувство голода «позыв на еду, несытость» и голод как социальное явление «недостаток в пище, нужда, недород, скудость в хлебе». Характерно, что второе значение сопровождалось, как это принято у В.И. Даля, народными пословицами и поговорками, среди которых обращают на себя внимание следующие: «С голоду не мрут, только пухнут, а с обжорства лопаются. На Руси никто с голоду не помирал (не умирывал). Казна с голоду не уморит, да и досыта не накормит». То есть, по представлениям второй половины XIX в., в России голодной смертности не существует, в то же время присутствует убеждение, что правительство (казна) обязательно окажет помощь в случае голода.

Как и В.И. Даль, современные словари и энциклопедии различают «голод» — ощущение потребности в еде, и «массовый голод» — социальное бедствие, обусловленное недостатком питания. П.А. Сорокин ввел различие голода абсолютного и относительного. Абсолютным называют полное отсутствие пищи. Относительный – дефицит пищи, недоедание или неполноценное питание. Он, в свою очередь, подразделяется на количественный и качественный. В первом случае имеется в виду недостаточное количество калорий, во втором – недостаток или дисбаланс питательных веществ в пище (жиров, белков, углеводов, витаминов и т.д.). Согласно этой классификации, голод в смысле словаря В.И.

Даля (как социальное явление) может быть отнесен к категории относительного. В нашем исследовании речь идет исключительно о массовом голоде, преимущественно абсолютном. Именно такого рода явления могут сопровождать глубокие аграрные кризисы.

История средневековой Западной Европы помнит «Великий голод» 1315 – 1317 гг., связанный с наступлением долговременного похолодания. Крупнейшей гуманитарной катастрофой в российской истории до XX в., по-видимому, был голод начала XVII в., предшествующий наступлению Смутного времени. Его причинами также стали обилие осадков летом и сверххранние морозы, сковывавшие льдом еще неубранные, залитые дождями поля. Голод повторялся три года подряд, 1601 – 1603, вызвал массовую смертность, когда в одной Москве похоронили 127 тысяч человек, умерших от голода, массовые миграции крестьян и холопов, уходивших от своих феодалов, массовое нищенство и бандитизм. Этот голод стал непосредственной экономической предпосылкой крупнейшего политического кризиса («Смута»), в годы которого погибло, по некоторым оценкам, до трети населения страны.

Последние массовые голодовки населения крупных стран Западной Европы приходится на конец XVIII в. Известен голод в Саксонии 1772 г., хроническое полуголодное существование крестьян во Франции накануне и во время Великой французской революции. По-видимому, последним голодом Европы стал так называемый картофельный голод в Ирландии в 1845 – 1849 гг., когда в результате болезни картофеля – основной продовольственной культуры ирландцев – и слабости общего экономического уровня страны возник абсолютный дефицит продовольствия. За эти годы умерло от голода и связанной с ним эпидемии холеры, по разным подсчетам, от 0,5 до 1,5 млн. человек, еще 1,5 млн. человек уехали в эмиграцию в США; общие потери населения Ирландии составили до 30 % населения. После этого, со второй половины XIX в. Западная Европа не сталкивалась со столь масштабными голодовками, даже две мировые войны на континенте сопровождались голодом не абсолютным, но относительным.

Страны Азии и Африки испытывали голодные бедствия и в XIX – XX вв. Во второй половине XIX в. в Индии число жертв голода составляло 12 – 29 млн. человек, в Китае – 20 – 30 млн. [23. С. 406]. Впрочем, в Индии, в отличие от Китая, статистика населения XIX в. крайне приближительна и таковы же выводы о числе голодных смертей.

Российская империя в этом отношении также выбивалась из ряда экономически развитых стран. Известен массовый голод 1891 – 1892 гг., сопровождавшийся высокой смертностью. Ряд исследователей указывали также на голодовки после неурожаев 1897, 1901 и 1911 гг. и локальные голодовки, поражавшие отдельные местности почти ежегодно. Представление о голоде как хроническом состоянии массы крестьян до 1917 г. было

распространенным в советской историографии и пропагандистской литературе. В новейшей историографии утверждения советской литературы оспариваются. Факт голода в 1891 – 1892 гг., кажется, никем не подвергается сомнению, но в отношении иных случаев речь идет либо о локальных явлениях, в которых имел место не абсолютный, но относительный голод, либо факт голодовки отрицается. Наиболее радикальные авторы (М.А. Давыдов) говорят о смысловой инфляции понятия «голод», произошедшей после 1917 г., и предлагают считать «настоящим» голодом только те события, которые сопровождались людоедством. Такая позиция, по-видимому, совпадает с пониманием голода советскими управленцами 1933 г., когда председатель одного из колхозов в Центрально-черноземной области на просьбу колхозников выдать хлеба ввиду голода ответил: «В Богучарском районе голода нет, так как матери еще не едят своих детей» [24. С. 107]. Не принимая крайние позиции в данной дискуссии, рассмотрим основные известные факты о крупнейших голодовках в России конца XIX – первой половины XX вв.

Речь пойдет о голодовках именно крестьянских, деревенских, связанных с кризисным падением сельскохозяйственного производства; голод в городах, в условиях войны, например, в блокадном Ленинграде и т.п. события выходят за рамки нашего обзора. Нас интересуют, в особенности, следующие аспекты: датировка события; территория распространения голода; точки зрения на причины его возникновения; основные меры по преодолению бедствия; жертвы и последствия для сельскохозяйственного развития.

7 «Царь-голод» 1891 – 1892 гг.: проблемы изучения

Осенью 1891 – летом 1892 гг. в России произошло массовое бедствие, выделявшееся своими масштабами среди всех пореформенных лет и непревзойденное затем до 1920 г. Эпицентр голода находился в Среднем Поволжье и Воронежской губернии, его ареал в целом охватывал, согласно одним исследователям, 17 губерний, согласно другим – 27, но встречаются и другие сведения. Наиболее сильно пострадали губернии Европейской части страны: Воронежская, Вятская, Казанская, Нижегородская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Пермская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Тамбовская, Тульская, Уфимская, Херсонская, и частично сибирская Тобольская, население которых составляло не менее 32,6 млн. человек. Если учесть, что по данным ЦСК население России (без Финляндии) составляло в 1891 г. чуть более 119 млн. человек, то доля проживающих на этой территории составляла 27,4 % населения, доля от населения 50 губерний Европейской России – 37,2 %. Важно, что это были преимущественно черноземные хлебопроизводящие губернии (рис. 18).

Рисунок 18 – Границы распространения голода в 1891 – 1892 гг.
(17 губерний Европейской России)

По нашим подсчетам на основе данных урожайной статистики ЦСК, в 1891 г. по сравнению со средним урожаем за предыдущее пятилетие (1886 – 1890 гг.) в указанных губерниях уровень сборов основных хлебов упал на 35 – 50 %, в ряде случаев еще больше. Так, в Воронежской губернии ржи было собрано всего 22,0 %, яровой пшеницы 28,3 %; в Казанской – ржи 37,3 %, яровой пшеницы 47,9 %; в Пензенской ржи – 37,7 %; в Рязанской ржи – 40,0 %; Пермской яровой пшеницы – 35,4 % и т.д. (см. таблицу 7).

Таблица 7 – Сбор хлебов по 50 губерниям Европейской России в 1891 г. в %% к среднему значению 1886 – 1890 гг.

Губернии	Рожь	Пшеница яровая	Пшеница озимая	Овес	Ячмень
Архангельская	61,2%	30,6%	-	84,6%	42,2%

Продолжение таблицы 7

Губернии	Рожь	Пшеница яровая	Пшеница озимая	Овес	Ячмень
Астраханская	122,1%	93,3%	-	74,1%	-
Бессарабская	145,1%	79,7%	87,7%	132,9%	141,3%
Виленская	110,6%	113,1%	128,2%	102,4%	105,4%
Витебская	95,0%	107,6%	152,4%	97,0%	69,5%
Владимирская	104,3%	80,7%	-	93,1%	-
Вологодская	117,0%	87,0%	-	125,4%	78,9%
Волынская	122,9%	114,7%	120,1%	108,9%	114,1%
Воронежская	22,0%	28,3%	14,5%	22,2%	33,0%
Вятская	75,8%	68,5%	-	67,4%	60,2%
Гродненская	100,8%	151,2%	94,4%	125,0%	112,9%
Донского войска область	92,9%	78,0%	93,4%	57,4%	102,1%
Екатеринославская	106,2%	113,3%	49,1%	86,7%	141,8%
Казанская	37,3%	47,9%	-	41,3%	49,3%
Калужская	91,3%	374,8%	138,0%	73,6%	59,7%
Киевская	94,5%	63,0%	88,9%	108,3%	102,4%
Ковенская	104,1%	151,8%	101,6%	107,2%	97,0%
Костромская	118,4%	106,0%	-	112,0%	98,9%
Курляндская	103,8%	38,3%	86,4%	98,9%	93,8%
Курская	66,0%	50,8%	36,6%	68,5%	103,9%
Лифляндская	109,1%	114,5%	106,7%	91,7%	86,6%
Минская	99,1%	117,0%	123,1%	106,4%	105,1%
Могилевская	84,1%	117,6%	205,3%	98,9%	99,3%
Московская	90,9%	59,5%	-	76,9%	44,7%
Нижегородская	59,0%	71,7%	-	85,2%	65,6%
Новгородская	107,0%	79,7%	-	101,4%	80,5%
Олонецкая	95,6%	62,2%	-	72,1%	74,7%

Оренбургская	65,3%	52,6%	-	54,9%	45,3%
Орловская	67,6%	18,5%	33,0%	77,0%	43,7%
Пензенская	37,7%	823,9%	17,7%	58,7%	-
Пермская	107,6%	35,4%	12,5%	68,2%	81,1%

Продолжение таблицы 7

Губернии	Рожь	Пшеница яровая	Пшеница озимая	Овес	Ячмень
Подольская	88,0%	76,9%	88,9%	122,6%	105,3%
Полтавская	88,8%	121,5%	57,1%	120,4%	118,0%
Псковская	115,0%	-	287,4%	91,6%	89,9%
Рязанская	40,0%	56,8%	10,9%	48,9%	48,2%
Самарская	59,7%	47,5%	8,4%	39,5%	48,2%
Санкт- Петербургская	104,7%	129,8%	-	90,1%	-
Саратовская	57,3%	64,2%	44,1%	35,0%	40,0%
Симбирская	39,6%	56,5%	-	52,2%	65,4%
Смоленская	98,2%	119,5%	-	95,8%	70,5%
Таврическая	69,6%	72,5%	103,7%	75,3%	81,6%
Тамбовская	39,1%	48,8%	15,8%	50,3%	28,4%
Тверская	104,9%	147,8%	-	94,7%	80,3%
Тульская	52,5%	178,1%	33,9%	80,8%	30,5%
Уфимская	85,3%	116,8%	-	59,1%	43,2%
Харьковская	77,2%	73,5%	44,2%	124,5%	115,1%
Херсонская	71,9%	71,4%	56,3%	74,8%	100,2%
Черниговская	111,4%	100,7%	113,0%	104,6%	88,3%
Эстляндская	99,6%	85,8%	59,8%	99,7%	98,4%
Ярославская	114,1%	113,1%	-	90,8%	83,3%

Источник: Урожай года. 1886 – 1891.

Неурожай не был повсеместным, в ряде губерний он был даже выше среднего. Однако в среднем по Европейской России в том году ржи собрали на 25 % меньше среднего, яровой пшеницы – на 26,6 %, озимой пшеницы – на 21,2 %, овса – на 22,8 %. Другие исследователи (Б.Н. Миронов), удлиняя период подсчета средних, отмечали, что общий сбор хлебов в 1891 г. в Европейской России был на 29 % ниже многолетней нормы, а в масштабе всей страны –

примерно на 21 % [25. С. 49]. Исследователями было замечено, что недобор зерновых по стране был примерно равен объему ежегодного экспорта.

Дефицит товара в рыночной экономике обязательно отражается в росте цен на него. Среднегубернские цены на хлеба в 1891 г. поднялись до 3,4 раз, рост на местах мог быть гораздо большим. По губерниям и основным зерновым культурам картина роста цен выглядит следующим образом (табл. 8)

Таблица 8 – Рост местных осенних цен на хлеба по 50 губерниям Европейской России в 1891 г. (значение 1891 г. к среднему значению 1886 – 1890 гг.)

Губернии	Рожь	Пшеница яровая	Пшеница озимая	Овес	Ячмень
Архангельская	136,2%	-	-	104,2%	145,5%
Астраханская	-	-	-	-	-
Бессарабская	204,2%	124,0%	127,6%	131,0%	133,3%
Виленская	191,4%	142,9%	134,3%	136,2%	144,8%
Витебская	244,7%	144,6%	131,1%	130,8%	133,0%
Владимирская	220,6%	162,8%	-	171,8%	-
Вологодская	171,3%	127,6%	-	101,8%	143,6%
Волынская	206,8%	152,1%	142,0%	124,0%	139,7%
Воронежская	328,9%	163,9%	166,7%	221,6%	221,6%
Вятская	251,0%	196,6%	-	264,0%	205,1%
Гродненская	189,9%	-	144,2%	128,0%	141,2%
Донского войска область	268,2%	142,2%	124,7%	184,1%	182,2%
Екатеринославская	201,7%	128,0%	128,6%	135,4%	154,8%
Казанская	314,2%	213,9%	-	229,5%	262,2%
Калужская	232,4%	-	137,2%	165,8%	176,7%
Киевская	216,6%	138,3%	136,1%	142,9%	149,6%
Ковенская	187,9%	121,5%	124,7%	124,6%	129,9%
Костромская	200,3%	144,4%	-	133,9%	154,6%
Курляндская	178,1%	-	125,3%	123,0%	133,3%
Курская	231,5%	154,9%	148,8%	185,2%	200,0%
Лифляндская	177,7%	125,0%	131,0%	128,8%	137,9%
Минская	202,5%	147,4%	140,4%	143,2%	137,4%

Могилевская	236,3%	172,6%	149,1%	156,3%	168,7%
Московская	198,8%	-	-	144,8%	122,7%
Нижегородская	259,4%	183,4%	-	173,4%	225,0%
Новгородская	184,1%	-	-	139,7%	138,2%

Продолжение таблицы 8

Губернии	Рожь	Пшеница яровая	Пшеница озимая	Овес	Ячмень
Олонецкая	160,2%	-	-	147,7%	158,0%
Оренбургская	282,4%	207,4%	-	253,8%	-
Орловская	273,5%	-	144,5%	174,4%	169,2%
Пензенская	338,3%	172,8%	170,0%	208,3%	-
Пермская	224,7%	195,1%	-	201,4%	198,9%
Подольская	196,7%	137,1%	126,3%	127,2%	131,5%
Полтавская	258,7%	135,5%	142,3%	153,2%	156,7%
Псковская	178,2%	-	131,7%	143,5%	132,2%
Рязанская	309,7%	-	162,0%	187,5%	-
Самарская	294,1%	190,8%	-	215,0%	206,1%
Санкт- Петербургская	170,1%	-	-	138,8%	-
Саратовская	294,8%	181,8%	174,0%	216,1%	200,8%
Симбирская	299,6%	198,1%	167,5%	207,7%	235,3%
Смоленская	225,3%	158,0%	-	150,5%	167,3%
Таврическая	179,9%	127,7%	122,3%	148,3%	143,2%
Тамбовская	319,7%	182,9%	172,4%	201,7%	-
Тверская	188,7%	-	-	152,3%	152,1%
Тульская	275,6%	-	153,9%	183,0%	-
Уфимская	294,7%	197,7%	-	213,6%	-
Харьковская	254,6%	138,0%	143,7%	156,9%	185,6%
Херсонская	203,3%	136,5%	128,3%	135,4%	151,7%
Черниговская	224,9%	166,5%	163,4%	167,6%	178,6%
Эстляндская	190,7%	-	125,1%	128,0%	135,1%
Ярославская	207,0%	166,9%	-	152,0%	146,1%

Подсчитано по: Год в сельскохозяйственном отношении. СПб. 1886 – 1891.

Примечание: прочерк означает отсутствие или недостаточность данных.

Изучение голода 1891 – 1892 гг. как исторического события в отечественной историографии шло не слишком активно. В советский период голод считался свидетельством, с одной стороны, кризисного состояния крестьянского хозяйства, с другой – порочности экономической политики царского правительства, которая представлялась направленной на развитие экспорта и капиталистической промышленности за счет эксплуатации крестьян. Этой теме уделялось внимание в рамках обобщающих работ, специальных исследований по теме голода 1891 – 1892 гг. не проводилось. В 1990-е – 2000-е гг. вышли работы отечественных историков, освещавшие помощь голодающим, роль земств, деятелей культуры, общественности и иностранных организаций в этой помощи, ставилась проблема влияния этих событий на формирование оппозиционных партий в России [25]. Единственное комплексное исследование до сих пор принадлежит американскому историку Р. Роббинсу [26]. Остановлюсь далее лишь на основных и малоизученных моментах.

Голод явился неожиданностью для правительства и аграриев-землевладельцев. В 1870-е – 1880-е гг. в России фиксировались только локальные неурожай и вызванные ими голодовки, в масштабах отдельных уездов, волостей. В 1873 и 1880 гг. были сильные неурожай в Поволжье, но голод там носил все же не абсолютный, а относительный характер. Население питалось суррогатами, развивалось нищенство, но массовой голодной смертности не было. 1860-е гг. в кругах аграриев прошли под знаком представления о возможности быстро увеличить и удешевить производство зерна в России для усиленного экспорта его в Европу. Россия, по мысли наиболее амбициозных представителей землевладельческих кругов, должна была стать законодательницей цен на мировом рынке [27]. В 1870-е гг. на фоне массивной постройки железных дорог зерновой экспорт России настолько вырос, что к концу десятилетия породил устойчивое представление о «голодном экспорте», вывозе хлеба в ущерб питанию российских крестьян. К 1887 г. ситуация стала диаметрально противоположной: российский хлебный рынок уже полностью ощущал на себе влияние мирового аграрного кризиса, кризиса перепроизводства. «Ныне мы испытываем острый кризис хлебной торговли: цены на хлеб падают, заграничные требования на него сокращаются, наши склады завалены зерном, которое с трудом находит себе сбыт», - констатировали тогдашние аналитики [28]. Несмотря на привычный низкий уровень жизни большинства крестьян, к 1891 г. в общественном сознании России все же не было опасений насчет возможности столкнуться с абсолютным дефицитом продовольствия.

Определяя причины голода, современники сходились во мнении, что он был вызван большим недородом хлебов, возникшим из-за крайне неблагоприятных погодных условий. В частности, участники «бесед», организованных Первым отделением Вольного

экономического общества для обсуждения проблемы аграрного кризиса и голода в 1891 г., среди которых были видные ученые-агрономы и экономисты, хозяйствующие помещики-землевладельцы, хорошо знакомые с положением дел во многих губерниях, рисовали следующую мрачную картину [29]. Засуха проявилась еще летом – осенью 1890 г., осенью во многих местах совсем не было дождей, или они прошли очень поздно, озимые посеяли в сухую почву, и они плохо взошли. Весной 1891 г. снег сошел необычно рано, но после оттепели вернулись заморозки, которые продолжались до конца мая. Холод сменился резким потеплением без дождей, быстро перешедшим в жестокую засуху с суховеями в середине лета. Во многих местностях дождей не было год. Таким образом, вырисовывается редкое сочетание целого ряда крайне отрицательных природно-климатических явлений, обрушившихся на очень большую территорию.

Вопрос о том, оказала ли влияние организация хозяйства на результаты урожая, оказался спорным. Некоторые современники отмечали, что в помещичьих хозяйствах, которые велись более рационально и культурно, чем крестьянские, урожай был лучше, или, по крайней мере, степень неурожая меньше. «Если бы у нас статистические сведения собирались отдельно по владельческим хозяйствам и крестьянским, то по той же Симбирской губ. пришлось бы составить две карты, из которых карта владельческих урожаев была бы окрашена более густой краской, нежели карта крестьянских урожаев», — говорил В.В. Черняев, в своем выступлении в ВЭО [29. Т. 1. С. 97]. Другие участники дискуссии, как И.И. Шидловский, отрицали такую связь: «Нынешний неурожай ни чему другому нельзя приписать, как той засухе, которою отличался настоящий год. Доказательств этому слишком много. Никакая культура, никакая улучшенная обработка не могла помочь делу; все приводило к одному результату и результат этот — полный неурожай. Правда, в этом общем неурожае встречаются оазисы урожая, но их нельзя приписать лучшей культуре, а они оказываются совершенно случайными явлениями; там, где, при отсутствии хорошей культуры, казалось бы, нужно было ожидать результата худшего, в действительности урожай получился хороший, — и это потому, что своевременно по тем местам прошел дождь. Таким образом, неурожай 1891 г. нельзя приписать каким бы то ни было несовершенствам нашей культуры» [29. Т. 1. С. 80]. Статистических исследований по этому вопросу, насколько нам известно, не проводилось.

Авторы, принадлежавшие к оппозиционным направлениям, искали и находили причины голода не столько в природно-климатических условиях, сколько в политической и экономической системе России, в экономической политике. В 1890-х гг. снова актуализировался концепт «голодного экспорта». Так, К.А. Вернер в 1893 г. на основе официальной статистики урожаев и экспорта, доказывал, что экспорт не зависит от

количества хлеба, остающегося ежегодно в стране. «Отпуская хлеб при таких условиях, – писал он, – мы поддерживаем в народе хроническое недоедание, гораздо более опасное, нежели какой бы то ни было неурожай единичного года. Такие порядки готовят самым определенным образом голод, а в момент, когда он наступит – и все трудности бороться с ним. Немудрено, что при таких условиях производительность земледельческого труда ничтожна» [30. С. 127]. После 1917 г. эта точка зрения стала господствующей в отечественной литературе, ее влияние сохраняется и сегодня. Так, В.В. Кондрашин, предвзято свое исследование голода 1932 – 1933 гг., считал необходимым сделать исторический экскурс, в котором сформулирована квинтэссенция данного подхода: «Массовый голод наступал из-за того, что у подавляющего большинства крестьянских хозяйств не оставалось никаких запасов зерна. Типичным в данном случае являлся голод 1891 – 1892 гг. – первый в истории России общероссийский масштабный голод, получивший у современников название «Царь-голод». /.../ Одной из основных причин его возникновения была экономическая политика правительства. С целью накопления золотого запаса и укрепления национальной валюты (рубля) министр финансов И.А. Вышнеградский принял решение о повышении налогов (прямых и косвенных) на крестьян, кроме того, были приняты меры по стимулированию хлебного экспорта, для наращивания которого в 1880 – 1890-е гг. в Европейской России создавалась железнодорожная сеть и одновременно осуществлялось государственное регулирование железнодорожных тарифов (вводились поощрительные тарифы для хлебных перевозок). Активизации хлебного экспорта способствовал повышенный спрос на зерно в Европе вследствие неурожая (экспорт хлеба в 1887 – 1891 гг. составил 441,8 млн. пудов – в 2,2 раза больше, чем в 1881 г.). Налоговая политика и потребности хлебного экспорта создали ситуацию, при которой из основных зернопроизводящих районов вывозились не только излишки хлеба, но и хлеб, необходимый для внутреннего потребления. Товаропроизводители стремились выбросить на рынок как можно больше хлеба: одни (крупные помещичьи хозяйства) – для получения прибыли, другие, составляющие большинство (крестьянские хозяйства), – чтобы выплатить налоги и расплатиться с многочисленными долгами... В результате основная масса крестьянских хозяйств осталась без страховых запасов в условиях засухи 1891 г.» [31. С. 36-37]. Следует выделить ключевую мысль этой позиции: при неурожая, независимо от причин, которыми он был вызван, критически важным является наличие или отсутствие запасов. Если у крестьян (населения, в широком смысле) их нет, то неурожай перерастает в голодовку. В таком случае без посторонней помощи голодающее население не может справиться с проблемой.

Голодающим крестьянам в 1891 – 1892 гг. оказывалась большая помощь. В то же время неурожай выявил недостатки правительственной продовольственной политики.

Поступавшая информация о начавшемся голоде в первые недели игнорировалась и не публиковалась. После признания факта начавшегося голода выяснилось, что так называемый продовольственный капитал многих губерний, которым с 1864 г. заведовали земства, наличествует в недостаточном количестве, сельские «хлебозапасные магазины», то есть резервные склады, которые по закону существовали повсеместно и должны были периодически пополняться из отчислений крестьянских общин, во многих местах либо вовсе пустовали, либо были заполнены гораздо ниже нормы. Правительству пришлось исправлять недостатки в «пожарном» порядке, что приводило к несогласованности и хаосу. По данным А.С. Ермолова, правительство в 1891 г. оказывало продовольственную помощь населению 26 губерний, в 1892 г. – 18-ти губерний [32. С. 4-6]. Голодающим выдавались продовольственные ссуды зерном, в среднем 12,3 кг. зерна на человека в месяц, максимальное количество получателей ссуд доходило до 11,9 млн. Правительство истратило на это более 160 млн. рублей. Правительство впервые работало в сотрудничестве с земствами, через губернские земства шло распределение средств, земства же получили право своими силами проводить закупки продовольствия для голодающих в других регионах. Обратной стороной этой ставки на местную инициативу явилась несогласованность действий закупщиков от разных губерний, которые создавали дополнительный ажиотаж и еще больше взвинчивали цены. Необходимость срочной перевозки хлебных грузов дезорганизовала работу железных дорог, срок доставки закупленного для голодающих продовольствия растягивался, потери в пути росли.

С целью сбить рост хлебных цен правительство запретило экспорт хлеба. Запреты вводились с середины августа 1891 г., в разное время для разных категорий товаров; с начала 1892 г. они постепенно снимались, окончательно были отменены в августе 1892 г. Однако на какие-либо меры по ограничению свободы внутреннего рынка, таксацию цен, администрирование перевозок и т.п. правительство не пошло. Сказалось преобладание либерального дискурса. Еще Екатерина II в 1785 г. указывала, что «свободная хлебная торговля внутри государства есть лучшее средство для обеспечения народного продовольствия» [33. С. 47]. Ту же мысль проповедовал в своих лекциях и популярный профессор политэкономии А.И. Чупров, несмотря на свои вполне народническо-социалистические взгляды, учивший студентов в полном согласии с либеральной доктриной, что «самым рациональным средством против дороговизны является широко развитая и хорошо организованная хлебная торговля» [34. С. 185]. Правительство, очевидно, стояло на той же позиции.

На помощь голодающим крестьянам поднялась интеллигенция, общественное мнение которой было значимым для правящих кругов. Печать того времени сообщала о различных

благотворительных сборах в пользу голодающих и значительных суммах частных пожертвований многих титулованных особ. В этом плане хорошо изучена деятельность Л. Н. Толстого, усилиями которого в Рязанской и Тульской губерниях были организованы 246 благотворительных столовых и 124 детских приюта.

Количество жертв голода определялось исследователями различно: Р. Роббинс – 400 тысяч, Б.Ц. Урланис – 500 тысяч, П.Н. Першин – 650 тысяч, А.М. Анфимов - 654,5 тысяч человек. Все подсчеты основаны на вычислении сверхсмертности данных двух лет относительно средних величин смертности. При этом имелись в виду не только непосредственно умершие от голода, но и от эпидемии холеры, на долю которой, очевидно, пришлось большинство жертв. С.А. Нефедов посчитал правомерным расширить хронологические рамки бедствия и вычислил сверхсмертность из-за дефицита продовольствия за 1889–1892 гг. в количестве 1,75 млн. человек.

К экономическим потерям от голодовки относятся, прежде всего, два момента: а) сокращение поголовья скота в пострадавших местностях и б) потери от запрета экспорта зерна, которые, в свою очередь, разделяются на непосредственные – упущенная выгода данного года, и отдаленные – место российского зерна на европейском рынке успели занять американские конкуренты, и в следующие несколько лет Россия отвоевывала свое место на рынке.

Последствия голода были многогранны и далеко выходят за рамки исчисления людских и экономических потерь. Думается, значение этого события в российской истории до сих пор недооценивается. Можно выделить несколько направлений его влияния на последующее развитие страны.

- Политические. События 1891 – 1892 гг. не привели к единению российского общества, наоборот, усилили давно наметившийся раскол, породили дальнейшее отчуждение образованного общества от власти и усилили оппозиционные, народническо-демократические настроения в среде интеллигенции. «Общество» возложило ответственность за бедствие на власть, власть (чиновничий аппарат) был разочарован в предпринимательских способностях земств и общественных деятелей в период продовольственной кампании и борьбы с голодом. Работы историка Н.П. Соколова рассматривают эти события как катализатор процесса образования российских политических партий [35].

- Аграрно-политические. После голода в правительстве произошла реформа управления сельским хозяйством, на базе Министерства государственных имуществ создано Министерство земледелия и государственных имуществ. На ключевые посты были поставлены люди науки. Министром назначен ученый-агроном А.С. Ермолов, директором

основного департамента – Департамента земледелия – профессор-почвовед П.А. Костычев, председателем Ученого комитета министерства – авторитетнейший в ученых кругах профессор И.А. Стебут. Была реформирована система продовольственного дела и продовольственного законодательства с целью обеспечения резервов семян и продовольствия на местах. После 1892 г. резко увеличились государственные продовольственные ссуды, недороды, случавшиеся в последующие годы, гасились правительственной помощью крестьянам. Этот аспект освещается в работах М.А. Давыдова [36]. В совокупности с курсом на укрепление крестьянской общины эти меры усилили традиционную политику государственного патернализма по отношению к крестьянству.

- Аграрно-теоретические и научные. События голода активизировали дискуссии в среде агрономов и экономистов-аграрников о состоянии российского сельского хозяйства и перспективах его развития. Агрономы и почвоведы сосредоточились на проблемах борьбы с засухами, совершенствования приемов обработки почвы и распространения агрономических знаний. В частности, актуализировалась дискуссия о глубокой и мелкой пахоте, о пользе зяблевой вспашки и чистых паров и т.д. В кругах экономистов обострилась дискуссия между народническим направлением, склонным видеть причины аграрного кризиса в развитии рынка, и либеральным, считавшим главной причиной институциональные препятствия аграрному развитию в виде сохранения общины и патерналистской государственной стратегии. Именно в годы голода многие аналитики склонились к выводу о бесперспективности существующего аграрного строя, вслед за чем в полный рост встал вопрос о путях дальнейшей трансформации крестьянского земледелия. В земской среде получили отклик идеи А.Ф. Фортунатова и его единомышленников об «общественной агрономии», начали распространяться земские участковые агрономы. Эта линия мысли проповедовала идеи технического прогресса, частных улучшений в связи с перспективой кооперации мелких хозяйств. Либеральный проект, представленный, прежде всего работами А.И. Скворцова, предполагал развитие на основе дифференциации крестьянства и превращения наиболее предприимчивой их части в фермеров. Воскресли и начали активно обсуждаться основательно подзабытые с 1850-х гг. идеи коллективного хозяйства. Надо отметить, что эти процессы в аграрной науке России еще недостаточно изучены в литературе.

8 Массовые голодовки советского периода: проблемы изучения

Историк Марк Таугер, изучавший голоды в Бенгалии и СССР, заметил: «Как только человек начинает изучать историю Советского Союза, голод становится одной из главных

тем, с которыми ему предстоит столкнуться» [37. С. 25]. Действительно, под знаком целого ряда голодовок в России прошла вся первая половина XX в. Среди них выделяются катастрофические голоды 1921 – 1922, 1932 – 1933 гг., периода войны и первых послевоенных лет 1946 – 1947 гг., унесшие миллионы жизней. Прежде чем перейти к изложению материала об этих событиях, следует сделать ряд замечаний.

О масштабах, причинах и последствиях этих бедствий не прекращаются дискуссии. Спорным, прежде всего, является политический аспект проблемы: степень ответственности экономической и аграрной политики коммунистического правительства за возникновение голодовок. Сложность для исследователей этой темы создает недостаточность и низкая надежность данных о состоянии сельского хозяйства в эти периоды. В изучении аграрной статистики этого периода видятся три основные проблемы.

1. Достоверность. Урожайная статистика царской России при всех своих известных недостатках была гораздо более надежной, чем сведения статистических органов советской России периода революции 1917 г. и гражданской войны. В этот период распалась сама система сбора первичных данных. То же относится и к статистике животноводства. В 1920-е гг. в СССР был восстановлен регулярный сбор статистических сведений, причем в некоторых аспектах даже по более широкой и подробной программе, однако достоверность этой сельскохозяйственной статистики вызывает гораздо большие сомнения, чем дореволюционной, поскольку на ее основе исчислялись налоги с крестьянского хозяйства, тогда как до революции статистика не служила фискальным целям. В начале 1930-х гг. система сельскохозяйственной статистики снова подверглась административной ломке, многие квалифицированные сотрудники были репрессированы. Поэтому сведения о сельскохозяйственном производстве периода коллективизации снова вызывают недоверие. Недостаточность источниковой базы приводит к тому, что представления современной исторической науки во многом опираются на статистические реконструкции самих исследователей, адекватность которых постоянно оспаривается. Как следствие, в современной науке отсутствует консенсус по поводу количественных параметров процессов аграрного развития и аграрных кризисов советского периода.

2. Несопоставимость по периодам и регионам. Огромную сложность представляет также проблема сравнения аграрного развития России до революции и советского периода. Причина состоит в многократных изменениях как принципов сбора статистической информации, так и административно-территориального деления страны, происходивших после 1917 г. Часть территорий Российской империи не вошла в РСФСР и СССР, границы губерний царской России в советское время непрерывно перекраивались в течение 1920-х – первой половины 1930-х гг. Между тем, вся статистика каждого данного года приурочена к

определенным административно-территориальным границам. Череда выделений национальных регионов, разукрупнений и укрупнений, передачи отдельных уездов и волостей из одной административно-территориальной единицы к другой, преобразование уездно-волостного деления в районное, создание областей и краев и т.п. не дают возможности построить сколько-нибудь длительные статистические ряды и разрушают статистические сопоставления на региональном уровне. Трудозатратность исследовательской работы по реконструкции в масштабах всей страны сопоставимых региональных статистических рядов показателей аграрного развития, которые позволяли бы соединить аграрную историю второй половины XIX века с XX веком, столь высока, что делает такую работу сегодня практически невозможной. Это дело будущего.

3. Проблема стоимостных показателей. Ломка рыночных отношений, произведенная в период революции и гражданской войны, затем попытки коммунистического правительства построить нерыночную экономику с административно регулируемым ценам привели, помимо прочего, к тому, что стоимостные показатели производства, исключая краткий период НЭПа, утратили свой смысл. Деньги периода революции и советский рубль с 1930-х гг., при отсутствии рынка, не создавали адекватного мерилла стоимости труда крестьян, колхозников, производимой ими продукции, также как и производимой в СССР сельскохозяйственной техники. Проблема изучения стоимостных параметров аграрного производства в период гражданской войны, затем коллективизации и после нее еще недостаточно осмыслена исследователями. Историки этого периода оперируют преимущественно натуральными величинами, привлекая ценовые показатели в качестве дополнительных иллюстраций.

Преодолеть указанные проблемы на данном этапе состояния науки исследователям не удалось. Таким образом, на сегодняшний день есть возможность представить лишь в достаточно общих чертах аграрное развитие советской России после 1917 г. и его тенденции на уровне крупных макрорегионов, имея в виду, что дальнейшее развитие исследований может существенно скорректировать сегодняшние количественные оценки. В полной мере это относится к вопросу изучения событий массовых голодовок.

Список использованных источников

1. Давыдов М.А. О границах здравого смысла // Экономическая история. Ежегодник. 2011/2012. М.: РОССПЭН, 2012.
2. Гайстер А.И. Сельское хозяйство капиталистической России. Ч. 1. От реформы 1861 г. до революции 1905 г. М., 1928.
3. Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М., 2003.
4. Бруцкус Б.Д. Экономия сельского хозяйства. Народнохозяйственные основы. Пг., 1924.
5. Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия. Л., 1985.
6. Давыдов М.А. Урожайная статистика ЦСК МВД: можно ли выпрямить Пизанскую башню? // Экономическая история. Ежегодник. 2011/2012. М., 2012. С. 149-189.
7. Кузнецов И.А. Русская урожайная статистика 1883-1915 гг.: источник в контексте историографии // Экономическая история. Ежегодник. 2011/2012. М., 2012. С. 190-228.
8. Обухов В.М. Движение урожаев в Европейской России в период 1883-1915 гг. // Влияние неурожая на народное хозяйство России. Ч. 1. М., 1927.
9. Вайнштейн А.Л. Избранные труды. Кн. 1. М., 2000.
10. Струмилин С.Г. Условия производства хлебов в СССР // Плановое хозяйство. 1926. № 2.
11. Островский А.В. Зерновое производство Европейской России в конце XIX – начале XX. СПб., 2013.
12. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т. 1. СПб., 1902.
13. Егиазарова Н.А. Аграрный кризис конца XIX в. в России. М., 1959.
14. Святловский В.В. Мобилизация земельной собственности в России (1861-1908). СПб., 1911.
15. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и некоторых иностранных государств. Год 10-й. СПб., 1917.
16. Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 3.
17. Литошенко Л.Н. Таможенное обложение в России сельскохозяйственных машин и орудий и его значение для русского сельского хозяйства. Харьков, 1910.

18. Вайнштейн А.Л. Из истории предреволюционной статистики животноводства. О численности поголовья скота и изменениях ее в годы Первой мировой войны // Очерки по истории статистики СССР. Сб. III. М.: Госстатиздат, 1960. С. 86-115.
19. Нефедов С.А. Уровень потребления в России начала XX века и причины русской революции. Статья вторая // Общественные науки и современность. 2011. № 3. С. 97-111.
20. Островский А.В. Животноводство Европейской России в конце XIX – начале XX в. СПб.: Полторак, 2014.
21. Островский А.В. Российская деревня на историческом перепутье. Конец XIX – начало XX в. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016.
22. Ильиных В.А. Причины голода 1931 – 1932 гг. в Западной Сибири: сельское хозяйство и заготовки // Голодовки в истории России XVIII – XX веков: сборник статей VIII Международной науч.-практ. конф. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2013. с. 79 – 84.
23. Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода: Сельское хозяйство СССР, 1931 – 1933. М.: РОССПЭН, 2011.
24. Есиков С.А. Голод 1932 – 1933 гг. в Центрально-черноземной области и его последствия // Власть и крестьянский социум в условиях советской модернизации второй половины 1920 – 1930-х гг. Сборник научных статей. Саранск, 2013. С. 97 – 108.
25. Пьянков С.А., Михалев Н.А. Голод 1891-1892 гг. в России в советской и современной отечественной историографии // Вестник Вятского государственного университета. 2015. № 1. С. 44-55.
26. Robbins R. G. Famine in Russia, 1891–1892. Columbia University Press, 1975.
27. Н.П. Влияние России на европейский земледельческий кризис // Труды Вольного экономического общества. 1868. Т. 4. № 4. С. 276 – 290; Т. 4. № 6. С. 475 – 485/
28. Лодыженский К. Настоящее положение и историческое развитие нашей вывозной торговли // Труды Вольного экономического обществ. 1887. Т. 1. С. 1 – 27.
29. Беседы в I Отделении Императорского Вольного экономического общества по вопросам о причинах неурожая 1891 года и мерах против повторения подобных неурожаев в будущем // Труды Вольного экономического общества. 1892. Т. 1. С. 67 – 144; Т. 2. С. 163 – 206; Т. 3. С. 289 – 380.
30. Вернер К.А. Неурожай и наше сельское хозяйство // Вестник Европы. 1893. Кн. 1. С. 114 – 144.
31. Кондрашин В.В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929 – 1933 гг.). М.: РОССПЭН, 2014.
32. Ермолов А.С. Наши неурожайи и продовольственный вопрос. СПб., 1909. Ч. 2.

33. Романович-Славатинский А.В., Цытович Н.М. Голода в России и Западной Европе и меры правительства против них. Публичные лекции в пользу голодающих. Киев: тип. Ун-та св. Владимира, 1892.
34. Чупров А.И. Курс лекций прикладной политической экономии, читанный в 1882/83 г. М., 1883.
35. Соколов Н. П. Голод 1891–1892 годов и общественно-политическая борьба в России. Дисс. канд. ист. наук. М., 1987.
36. Давыдов М. А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте-Столыпина. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя, 2016.
37. Таугер М. Голод, голодомор, геноцид. Голод, сельское хозяйство и советская сельскохозяйственная политика. Киев: Еженедельник «2000», 2008.